

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ДАЛЕКОМ КОСМОСЕ**

ВЛАДИМИР ПЕКАЛЬЧУК

**СПУСКАЯ
ПСОВ ВОЙНЫ**

Annotation

Профессиональный наемник Леонид Булатов остается без средств к существованию. Бывшим работодателям не нужен ветеран со старыми ранами. Неудивительно, что Леонид соглашается на предложение странного типа по имени Касс. Высокооплачиваемая работа по специальности и бесплатный билет на... космический корабль. Оказывается, Кассу нужен был самый настоящий наемник из плоти и крови, который сможет принять командование подразделением боевых андроидов. Вот только на самом деле все оказывается гораздо сложнее...

Владимир Мирославович Пекальчук

Спуская псов войны

© Пекальчук В.М., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Эта книга посвящается людям,
которые не отступили перед лицом смерти
и погибли, исполняя свой долг...
...или то, что они таковым считали.*

*...На всю страну монаршим криком грянет «Пощады нет!»,
спуская псов войны.*

Уильям Шекспир «Юлий Цезарь»

Старость – не радость ни для кого, так уж повелось. Жизнь вообще не щадит стариков, будь то человек или собака, но с постаревшими псами войны она особенно жестока.

Леонид никогда не задумывался над этим. Война – дело молодых. Лекарство против морщин. Эту простую истину он знал задолго до того, как Витя Цой облек ее в форму песни. Но вышло так, что война Леонида от морщин не уберегла. А может, он сам оказался слишком хорош. И в какой-то момент оказался лицом к лицу с пониманием того, что постарел и больше непригоден к своему ремеслу.

Так или иначе, но вот прямо сейчас он сидит на лавочке в скверике и листает свежую газету с объявлениями. Довольно безнадежное занятие, ибо кому нужен старый наемник, латаный и шитый, исполосованный шрамами бесчисленных схваток? Нет, силы еще хватит, чтобы управиться с ручным пулеметом как с игрушкой или свернуть пару шей, но... Желудок донимает болями, словно мстит хозяину за то, что был дважды прострелен, и заклеенная печень тоже барахлит. Долго ли он протянет без врачей? Риторический вопрос. Риторический еще и потому, что именно врачи «съели» последние сбережения Леонида, или, точнее, те крохи, которые он успел отложить после того, как понял, что ему выпало сомнительное для наемника счастье пережить пять войн, кучу мелких конфликтов и дожить до старости.

А ведь раньше у него деньги водились. За последние тридцать пять лет Леонид воевал на всех материках, кроме, пожалуй, Северной Америки да Антарктиды, и везде неизменно преуспевал. Он был прирожденным воином, гены, доставшиеся от родителей, снабдили его всеми необходимыми качествами, а те, в свою очередь, обеспечили ему карьеру от простого солдата удачи и бойца Иностранного Легиона до инструктора в лагерях наемников и руководителя многих спецопераций.

И вот теперь некогда отлично оплачиваемый пес войны сидит с газетой в руках и пытается найти хоть какую-то работу, оказавшись на мели первый раз в жизни, пожалуй. Он

зарабатывал отличные деньги, но никогда не копил. Всегда жил одним днем, не отказывая ни в чем ни себе, ни длинной веренице женщин, которым довелось стать попутчицами наемника на том или ином отрезке его жизненного пути. И правильно делал, ведь у профессиональных солдат «завтра» может и не быть, слишком уж редко доживают они до седины. Правда, вот теперь у него денег почти не осталось. Издержки чересчур высокого профессионализма.

И семьи у Леонида тоже никогда не было. Он очень нравился женщинам практически всем, кроме одного: профессии. Кто свяжет свою судьбу с наемником, который прямо завтра может погибнуть? Несколько раз ему предлагали бросить работу женщины, на которых Леонид охотно женился бы, но увя. Он просто ничего больше не умел. Не знал, как можно жить по-другому. Стать свирепым псом войны ему было предназначено в генном коде, но теперь он просто старый пес, даже не имеющий конуры, чтобы дожить свой век. За снятую квартиру заплачено вперед еще на месяц, дальше – хоть под забор.

Что ж, один приемлемый вариант – охранное агентство. Но и тут проблемы. Возраст еще полбеда, если рекрутер заикнется, что, мол, стар – отправить его под стол легким взмахом и пойти в следующую контору, где с ходу намекнуть, что кандидат готов продемонстрировать профпригодность прямо здесь и сейчас. Гораздо хуже – расписанное шрамами лицо и почти невидящий левый глаз. Кто возьмет на работу такого страхолюда?

Конечно, есть и другие варианты. Пистолет отца он хранил все эти годы. Можно попытаться ограбить банк, но дело, конечно же, не выгорит. Как профессиональный воин, Леонид прекрасно просчитывал все возможные варианты и понимал, что шансов на успех у него нет чисто математически, успешные ограбления могут случаться только в кино. Еще вариант – дуло к виску. Уйти не слишком красиво, но с честью. Он постарел. Его время прошло, вот и все. И ничего страшного, ведь Леонид всегда знал, что умрет от пули. Вот только никогда не думал, что от своей.

Он отогнал невеселые мысли и снова сосредоточился на газете. И сразу спохватился, что на нее падает чужая тень.

– Господин Булатов Леонид Брониславович, если не ошибаюсь? – осведомился странный тощий тип в приличном сером костюме с какой-то новомодной электронной штучкой в руке.

Вот это опаньки. Леонид как-то не ожидал, что в родном Питере, который он покинул тридцать пять лет назад, его вообще кто-нибудь знает. Таки выследили, значит. И тип этот какой-то странный, и акцент нездешний, и взгляд недобрый. Что ж, по всему миру еще остались люди, которые смазывают свои пистолеты, вспоминая о наемнике. Леонид их никогда не боялся – и теперь не сдрейфит. Что бы тощий тип ни предпринял – старый пес готов обнажить клыки в последней в своей жизни схватке насмерть.

– Он самый, к вашим услугам, – четко произнес он, подвел под скамейку правую ногу для толчка и даже разочаровался, когда пистолет с глушителем в руке незнакомца почему-то не появился.

– Булатов Леонид Брониславович, кличка Лютый Пес, пятьдесят пять лет, профессиональный наемник? – уточнил тот, сверившись с наладонным прибором.

– Так точно. Что вам нужно?

Незнакомец склонил голову, внимательно изучая Леонида, затем спокойно ответил:

– Вы, случайно, не ищете ли работу по специальности? У меня как раз есть нужда в таком профессионале, как вы.

Леонид ухмыльнулся:

– Многоуважаемый, вы, видимо, с головой не дружите. Если б я был в состоянии работать по своей специальности, разве сидел бы в этом скверике с газетой бесплатных объявлений?!

– Вы намекаете на свои восемь тяжелых ранений? – поинтересовался тот.

– И на них тоже, – ответил Леонид, – я уже слишком стар.

– В таком случае, если вы сами... как вы сказали? А, дружите с головой. Интересная фраза. Так вот. Если вы сами дружите с головой, то уже поняли, что я прекрасно осведомлен о вашей карьере и биографии. И у меня есть работа именно для вас. Я не собираюсь посылать вас бегать по саванне с автоматом, как вы, возможно, подумали.

– Почему именно я? – спросил Леонид, явственно ощущая, как в воздухе начинает витать запах дерьма. – На роль инструктора или командира есть полно других кандида...

– Долго объяснять. Ваш возраст проблемой не будет. Напротив, ваши стаж, ранения и послужной список работают на вас. И на меня.

– Размер гонорара? – дал знать о себе профессиональный интерес.

– Большой, больше, чем вы раньше зарабатывали. Цифра с минимум четырьмя нулями в месяц. А может, и все шесть. Смотря в какой валюте считать.

Вот оно что. Запах дерьма стал совсем отчетливым. Приятно, что интуиция пока еще не подводит.

– И что я должен буду делать за эти деньги? – мрачно поинтересовался Леонид.

– Ничего такого, что пятнает честь солдата. Никаких геноцидов, этнических чисток, расстрелов и прочей гнусности, о которых вы, видимо, подумали. Хочу, чтобы вы возглавили охранное подразделение.

Дерьмо, полнейшее дерьмо. Зарплата от десяти тысяч баксов – за охрану?! Это хрень, инстинкт видавшего виды хищника выл во весь голос: дело нечисто!

– Вот даже как? И что же я должен буду охранять за такие деньжищи?

– Узнаете на месте. Платить буду вот этим.

Незнакомец вынул из кармана вторую руку и бросил небольшой предмет, сверкнувший желтизной в лучах утреннего солнца. Леонид поймал его на лету: да, так и есть. Золотой слиток граммов на пятьдесят, судя по весу и габаритам.

– Подытожим, – отбросил манеры наемник, – ты платишь золотом за якобы сущий пустяк и нанимаешь на это место почему-то именно старого покалеченного командира, хотя мог бы найти не менее компетентных командиров помоложе за меньшие деньги. При этом не говоришь, что охранять. Это только у меня возникло чувство, что ты собираешься втравить меня в темное дело?

– Видимо, только у тебя, – собеседник тоже перешел на «ты», но сохранил ледяное спокойствие, – да, на тебе мир клином не сошелся. Я щедро тебя вознагражу, если ты подскажешь мне другого кандидата, который получил восемь тяжелых ран в бою, участвовал по меньшей мере в четырех крупных вооруженных конфликтах, весь разукрашен боевыми шрамами и имеет огромную физическую силу. А еще в биографии кандидата должен быть эпизод вроде того, как ты ночью, подвыпивши, вышел из землянки по-маленькому, возвращаясь, забрел в окоп к противнику и заставил сдаться вражеских солдат, угрожая зажигалкой в виде гранаты. Но если такого не знаешь – значит, мне нужен ты. И я, кстати, не темню. Я вполне мог бы тебе сказать, что и где охранять... приблизительно. Но если я так сделаю – ты засмеешься, повертишь пальцем у виска и уйдешь. Тебе придется увидеть

самому.

– И я должен тебе поверить?

– Мне наплевать. Если ты готов рассмотреть перспективу... как это у вас называется? –

Он проконсультировался с наладонником и сказал: – Да, точно. Так вот, у тебя только одна альтернативная перспектива – сдохнуть на помойке. Завтра я буду ждать тебя вон на той стоянке через дорогу в это же время. Не придешь – дело твое. Задаток можешь оставить себе как плату за потраченное на меня время.

Он повернулся и пошел прочь, но шагов через двадцать обернулся:

– Если решишь работать на меня – прихвати с собой все, что понадобится в обиходе.

Считай, что будешь работать в пустыне без единого магазина на тысячу километров вокруг.

Леонид проводил его взглядом и подбросил в руке слиток. Он уже по уши в дерьме. Потому что это будет не работа, а авантюра, скорее всего, дохлая. И ведь отказаться невозможно: смерти хуже, чем под забором на помойке, прирожденный пес войны себе не представлял.

* * *

Леонид открыл глаза и несколько секунд смотрел в серый, с металлическим отливом пластиковый потолок. Так, а где это он? Сел на постели – резко, рывком. Даже как-то слишком быстро.

Попытался вспомнить – а что было вчера? Взгляд упал на собранный рюкзак у стены без единого окна. Да, точно, рюкзак. Леонид собрал его вечером, утром пошел на встречу с нанимателем. Сели в машину, тощий, представившийся Кассиусом, достал походную флягу и предложил выпить за плодотворное сотрудничество. Налил Леониду в крышку-стаканчик, сам хлебнул из фляги. Наемник хорошо помнил вкус качественного коньяка – но дальше мрак полнейший. Опрокинул стаканчик, заценил напиток – и в следующий момент открыл глаза в совершенно незнакомом помещении.

Нет, Леонид, конечно же, знал, что подписывается на крупные неприятности, но как-то слишком уж быстро они начались. Подпоили, заперли в камере... Хотя стоп. Комната напоминала камеру заключения только спартанской обстановкой: койка, стол, два стула, шкафчик – вот и вся мебель, все привинчено к полу. Чистота наводила на подозрения, что это медицинский отсек, но относительная просторность не вязалась с камерой заключения. И потом – рюкзак. В нем, среди прочего, наградной пистолет отца, боевой нож и опасная бритва, а также некоторые другие предметы, которые могут быть использованы вместо оружия. Так что если б Леонид был пленником – рюкзак забрали бы наверняка.

А во всем теле – легкость, от которой наемник уже давно успел отвыкнуть. И картинка перед глазами четкая, а не замыленная, когда смотришь на мир одним нормальным глазом и одним подслеповатым. Что за чертовщина? Леонид прикрыл правый глаз рукой и убедился, что левый видит вполне сносно. Все ясно – сон. Он спит, и ему снится то ли хорватский госпиталь, то ли какой-то другой, в котором он лежал лет двадцать назад. Сейчас откроется дверь и войдет медсестра по имени... черт, как же ее звали-то? Аленка вроде...

– Вижу, ты уже проснулся? – послышался знакомый голос от двери.

В комнату вошел очень странный тип. Габариты и слегка дребезжащий голос – давешнего нанимателя, но движения плавнее, исчезла дерганность. И лицо, точнее, харя –

такое не во всяком кошмаре увидишь. Синее, узкое, вместо носа две дырочки, глаза желтые, с желтыми радужками и без белков. Лысая голова с приросшими к ней ушными раковинами и маленьким безгубым ртом. Из одежды – что-то наподобие спортивного костюма, и квадратные очки с подсвеченными синим светом стеклами, крепящиеся на голове не дужками – какие дужки, ушей-то нет, – а ремешком.

– Кассиус, ты, что ли? – настороженно спросил Леонид.

– Что, узнал с трудом? – ухмыльнулась харя.

– Не без этого. Надо же, что мой кошмар с тобой сделал... Ты и наяву не красавец, а уж во сне...

– Самое забавное в этой ситуации – что ты не спишь, – сказал Кассиус, садясь за стол, – я догадываюсь, ты сейчас думаешь, что со мной случилось, отчего я посинел, куда делись мой нос и мизинцы... Сообщаю: я просто снял маску и перчатки. Я всегда выгляжу, как сейчас, у меня от рождения синяя кожа и четыре пальца на руках. Если ты еще не догадался – я с другой планеты. А ты не очень-то и удивлен, я погляжу. Ни шока, ни испуга...

Леонид мрачно взирал на Кассиуса. Испуг? Вот этой тощей образины бояться, что ли? Шок? С чего бы вдруг? Шок был тридцать лет назад, когда, находясь в одной африканской деревушке, он с размаху шлепнулся на свою койку, не заметив пары скорпионов, и после этого Леонида уже вряд ли что-то могло шокировать.

– Получается, мы все же не одни во вселенной, – хмыкнул наемник.

– Вселенная огромна. Больше, чем ты можешь себе представить. И если бы в ней были только вы или только мы – это было бы чудовищной растратой пространства.

– А где это мы находимся, инопланетянин?

– На моем космическом корабле. На высокой земной орбите.

– Значит, ты меня подпоил какой-то хренью и похитил с Земли, так? – зловеще уточнил наемник, присматривая на теле чужака уязвимые для удара места.

– Что значит – похитил? – возмутился Кассиус. – Тебе напомнить, что ты сам согласился работать на меня не далее как вчера?

– Ты меня обманул!

– Разве? Я и не говорил, что я землянин. Если хочешь, могу вернуть тебя обратно хоть сейчас, мне требуется добровольный компаньон, а не из-под палки. Возле какой именно помойки тебя высадить? – В голосе пришельца послышалась ехидца.

Леонид вздохнул, понимая, что крыть нечем.

– Так теперь ты мне объяснишь, зачем я нужен?

– Разумеется. Ты возглавишь мое наемное подразделение «Земные Волки». Или «Земные Тигры». Я еще не решил, как его назвать. Ты будешь формальным командиром подразделения, но на самом деле станешь его «лицом».

– Чьим лицом? – не понял Леонид.

– Подразделения. Это как у вас на Земле, когда какая-нибудь топ-модель становится лицом, скажем, косметической фирмы. То есть в рекламе этой фирмы снимается. Ну а ты будешь лицом боевого формирования.

Наемник приподнял брови:

– Ты что, целое подразделение на Земле на вербовал?

– На самом деле нет. Все бойцы, кроме тебя, – андройды. Роботы.

Леонид тяжело вздохнул:

– Господи... лучше бы я по саванне с автоматом бегал... Я одного не могу понять,

Кассиус...

– Касс-р-Кинн Латанн мое настоящее имя. Для коллег – просто Касс.

– Ладно, Касс. Я не врубаюсь, в чем смысл подразделения «Земные Волки», состоящего из одного землянина и кучи неземных роботов?

Инопланетянин вздохнул:

– Мне очень многое придется тебе объяснить про то, как устроена наша галактика за пределами Земли, но это уже технические моменты. Начать же надо с заключения договора. Вот мое предложение. Я нанимаю тебя на должность командира наемного боевого подразделения сроком на сорок стандартных периодов, что соответствует почти десяти земным годам, и буду платить тебе один килограмм чистого золота в период. Я буду твоим непосредственным и единственным командиром.

– Десять лет?! – выпучил глаза Леонид. – Издеваешься? Да я попросту не проживу столько, не говоря уже о том, что заработанное не успею потратить!

– Не все так плохо, как тебе кажется. Ты немного времени провел в моем медицинском модуле, и я тебя слегка подлатал. Печень, желудок, аорту и разные мелочи, которые искин медмодуля счел нужным подправить. Кстати, глаз как, нормально видит?

– Хм, да. Я и сам удивился, что глаз видит, и легкость во всем теле... словно лет десять-пятнадцать сбросил.

– Высокие технологии, коллега, высокие технологии. Ну и гравитация тут чуть пониже, чем на Земле. Я гарантирую, что через десять лет ты будешь в состоянии не худшем, чем то, в котором я тебя подобрал. Я тебе больше скажу: скоро ты уже назад не захочешь. Итак, твой ответ?

– Договорились, – кивнул Леонид.

– Отлично. Сейчас мы с тобой уладим одну формальность. Ты будешь смотреть в мои очки и скажешь, что ты, такой-то с планеты Земля, покидаешь свою планету добровольно и по собственному желанию, осознавая, что за ее пределами будут другие правила и законы, и в полной мере отдаешь себе отчет, что вернуться обратно уже никогда не сможешь...

– Какого хрена?! – Наемник вскочил с койки, сжав кулаки.

– Спокойней, спокойней. Это формальность, на основе которой будет базироваться твой правовой статус в пространстве галактического сообщества. Строго формально возвращать домой уроженцев миров, находящихся под действием культурного эмбарго, нельзя. Но я верну тебя точно так же, как и забрал, – контрабандой. Я ведь и забрать тебя не имел права, не получив наперед твоего согласия. Не будет никаких проблем.

Леонид криво усмехнулся:

– Да уж. Законы у вас работают так же, как и у нас...

– Не скажи. Мы не следуем слепо их букве, но уважаем причины. Принцип культурного эмбарго имеет под собой определенные основания. Например, развивающиеся народы не должны знать, что, кроме них, есть другие. Ты уже знаешь и потому не можешь вернуться. Но я тебя верну. И даже если ты всем расскажешь, что летал на другие планеты, воевал там и бухал коньячок с синелицым пришельцем, – тебе никто не поверит. А значит, по факту нарушения эмбарго нет.

– Ладно.

– Так, внимание, запись.

– Я, Леонид Булатов с планеты Земля, покидаю ее по собственному желанию, отдаю себе отчет, что за ее пределами должен буду придерживаться иных правил и законов, и

понимаю, что не смогу вернуться домой. Все?

– Все, мой искин записал.

– Твой кто?

– Искин – искусственный интеллект. Он находится в моем УРР – устройстве расширенной реальности. В очках, которые на мне. У тебя тоже такой будет.

– Зачем он мне?

– Это краеугольный камень. Фундамент, на котором выстроено все галактическое сообщество. Когда ты надеваешь УРР с наушниками, искин начинает переводить тебе все, что ты видишь и слышишь, но не понимаешь. С этими приборами насекомоподобный и рыбообразный врасу могут свободно общаться. Ты встречаешься с гигантским жуком, который общается шевелением усиков, твой искин переводит все его «слова» – и тебе кажется, что ты слышишь обычную русскую речь.

– Что такое врасу?

– Аббревиатура от «высокоразвитое разумное существо». Ваш, земной термин, между прочим. Но фантастику ты, наверное, не читаешь...

– Читал иногда. Значит, эти очки знают все языки в галактике?

– Не обязательно. Если искин твоего собеседника не может переводить с русского – твой собственный искин даст ему скачать этот язык у себя. И никаких преград к общению. Благодаря внедрению стандарта УРР взаимопонимание между совершенно разными существами стало совсем простым. Надел очки, вставил наушники – и ты понимаешь всех и каждого. И тебя тоже понимают.

– Гениально...

– Я тебе позже расскажу основы, а все остальное сможешь спросить у своего искина. А пока – краткий план всего предприятия. Не буду вдаваться в подробности, что и как, но ко мне попала партия боевых андроидов, точно копирующих человека. Одно время моя раса вела наблюдение за землянами, и на крайний случай, например, для спасения разведчика, был изготовлен целый отряд роботов, которые не отличаются от человека. Если его выпотрошить или поездом переехать – внутренности имитируют потроха человека. Даже кровь не отличить от настоящей без лабораторного исследования.

– То есть это типа синтетические люди?

– Нет. Помимо фибромышц, остальные органы и кровь не имеют никаких функций. Они только для маскировки. Источник энергии замаскирован под сердце и легкие. Андроид имитирует дыхание, поглощает пищу, только не переваривает. Действующая модель человека. Но вот у вас появились фильмы и книги о маскирующихся среди людей пришельцах, расплодилось армии уфологов и прочих сумасбродов, и мы стали сворачивать наблюдательную деятельность. А когда вы сняли фильм «Терминатор», буквально предвосхитивший наше техническое решение, проект и вовсе закрыли, почти всех разведчиков отозвали, андроидов – вложение колоссальных средств и интеллектуальных усилий – списали. Сто двадцать циклов они провалялись на складе, а потом я их заполучил благодаря связям. И теперь собираюсь сделать из них «земной» отряд и сдать внаем под видом живых земных наемников.

– Зачем выдавать их за людей?

– Затем, что цена найма живого охранника выше, чем стоимость найма робота. Это первое. И второе – робот есть вещь. Любую вещь можно украсть. Объект, защищенный только роботами, можно захватить без единого выстрела.

Леонид несколько секунд переваривал услышанное, потом спросил:

– То есть слабое место боевых роботов – низкий интеллект?

– Некорректно заданный вопрос. Слабость любого робота в том, что он искин. А любой искин суть бинарный вычислитель. Компьютер. Каким умным ты его ни сделай – он никогда не станет мозгом, понимаешь? Армии роботов-пехотинцев, роботов-танков, роботов-космолетов... идеально послушные, безошибочные, дисциплинированные... Мечта любого командира. Большинство галактических рас прошло через это. И все обожглись на одном и том же: если ты контролируешь армию роботов – ее может контролировать и твой враг. Перехват контроля над боевыми искинами – стандартный метод ведения войны.

Я тебе проще объясню. Вот летит на бомбардировщике пилот. И внезапно получает от командования приказ отбомбиться по своей же базе, по своему дому, по своей планете. Робот этот приказ выполнит. Человек – нет. Робот выполнит любой приказ, поступивший по штатному каналу от уполномоченного командования. Машины не умеют подозревать предательство или перехват канала, понимаешь?

– Хм. И не придумали никакого способа защиты? Научить роботов, что приказ «бомбить своих» не должен выполняться?

– Тогда будет другой приказ. Сбросить бомбы в море. Разбить самолет. Бомбить нейтрального соседа. Да просто бездействовать, наконец. Любой приказ, который помешает роботу выполнять приказы истинного командира.

– Защищенный канал связи? Нет, не слышали, – с сарказмом заметил Леонид.

Касс покачал головой:

– Любая защита ломается. Любой код подбирается. Любой метод контроля – перехватывается. В реалиях высоких технологий робот как автономная единица боееспособен только против отсталых рас вроде землян. Любой противник, имеющий современные для галактики технологии, гарантированно перехватит контроль над любым роботом, это только вопрос времени. Пойми, никакой искин не заменит живой мозг! Есть лишь два способа управления, которые не перехватываются. Первый – отсутствие возможности контроля. Робот посылается выполнять инструкцию, заложенную в него, без возможности коррекции или отмены. Такие вообще не имеют средств связи и совершенно неуправляемы даже для хозяина. Как снаряд: вылетел из пушки – обратно не вернешь. И второй вариант – командир все время находится рядом с роботом и отдает приказы лично. Например, боевые роботы в армии моего народа используются только в смешанных подразделениях. Каждый робот подчиняется на поле боя своему солдату. В случае потери командира – переходит в неуправляемое состояние и больше не подчиняется никому.

Леонид поднял руки в символическом жесте:

– Ладно, не буду спорить о том, в чем разбираюсь хуже тебя. Просто принимаю на веру. Получается, ты собираешься впарить нанимателю отряд, который на самом деле не способен ничего защищать, даже себя? Я знал, что это будет авантюра, но не думал, что дойдет до открытого мошенничества!

Касс негромко закашлял, затем пояснил:

– Это я так смеюсь. Видишь ли, я изобрел третий способ уберечь роботов от взлома. Можно не опасаться перехвата контроля, если все думают, что боец – живой солдат. Так что нет никакого мошенничества. Строго технически, есть обман нанимателя ради блага самого нанимателя. Нарушение буквы закона ради следования его духу. Да и то – мы даже не будем обманывать. Наниматель сам себя обманет. Пусть андройды и уступают обычным боевым

роботам по тактико-техническим характеристикам, но человека все равно превосходят. За обычные деньги наниматель получает гораздо более эффективное подразделение. Но об этом мы еще поговорим. Есть хочешь?

Леонид прислушался к своему желудку:

– Да, есть такое.

– Тогда пошли на камбуз.

Изнутри корабль Касса выглядел как-то слишком обычно. Леонид ожидал, что творение нечеловеческого разума будем странным и чуждым, но ошибся. Длинные узкие коридоры, аскетичная обстановка, рациональное планирование, однотонные стены из непонятного материала, отъезжающие в сторону прямоугольные двери – ну ни дать ни взять голливудские декорации. Слово конструктор-человек отчаянно попытался сделать имитацию инопланетности и чуждости, но детище в итоге все равно получилось слишком человеческим, разве только несколько футуристичным.

– Это потому, что законы природы и науки одинаковы что на Земле, что в любом месте галактики, – пояснил Касс в ответ на озвученную мысль Леонида, – мы с тобой во многом схожи, две руки, две ноги, голова. Более-менее сопоставимый рост, схожие габариты и примерно одинаковые опорно-двигательные аппараты. Так что понятия эргономики и рационализма для нас совпадают. Да, пассажирские автомобили могут быть очень разными и причудливыми, но военной промышленности чуждо понятие стиля. Я потом покажу тебе свой арсенальчик – поверь, ты поймешь, что перед тобой оружие, с первого же взгляда, еще до того, как я покажу пальцем и скажу «смотри, вот это автомат».

– Так это – военный звездолет?

– Естественно. Военное всегда лучшее, правда, не всегда слишком комфортное. Хоть я уже ушел из вооруженных сил – ничего, кроме военных стандартов, не признаю. Я ни за что не доверю свою жизнь роскошному пассажирскому лайнеру, вот это старое, давно списанное бронированное корыто, на котором мы находимся, много надежней и безопасней. Современные лайнеры придут в негодность и пойдут на слом – а мой кораблик все еще будет летать и, если придется, – даже стрелять.

– Было бы здорово посмотреть на него снаружи, – заметил Леонид, в нем проснулся профессиональный интерес.

– Когда в порт прилетим, посмотришь. Обзорных палуб тут нет, сам понимаешь, а запускать управляемого ремонтного робота, чтобы посмотреть со стороны, довольно обременительно. Все-таки корабль-то устаревший, а переоснастить его по современным военным стандартам слишком дорого. Новые строить дешевле, как ни парадоксально.

Камбуз оказался просторной комнатой человек на тридцать, с двумя длинными столами и большим количеством крупных шкафов.

– А где сама кухня-то?

– Строго говоря, нигде. Подготовка пищи на кораблях легких классов вообще не предусмотрена. Вся пища – в тубиках и пакетах вот в этих хранилищах. Тарелок, кастрюль, ложек-вилочек и прочего нет. Ты вообще как себе представляешь готовку в невесомости?

– Я ее пока не заметил.

– Ну так и мы пока не в бою, – хмыкнул Касс. – При встрече с любым кораблем, кроме гарантированно невраждебных, бортовой искин переводит всю энергию реактора в щиты, и генератор искусственной гравитации отрубается. Издержки военной надежности.

Он достал из ближайшего хранилища несколько пакетов и протянул Леониду:

– Пробуй. Все полезно и питательно, но вот понравится ли – не гарантирую.

– Что это?

– Вот сублимированное мясо – на вкус гадость даже для меня, но съедобно для кого угодно, кроме вегетарианцев... ну почти. Вот жидкий суп – для тебя он, правда, будет горьким. Это блюдо из злаков, вот пюре, вот сладкое желе. Вот... а стоп, этого тебе нельзя.

Леонид распечатал один из тюбиков и насыпал в рот немного порошка.

– Песок как песок, – мрачно подытожил он.

– Это пищевой концентрат... Погоди-ка, у меня есть небольшой запас жратвы для не-сссла, и там вроде должны быть консервы для балларанцев...

Касс полез в другое хранилище.

– Не-сссла это кто такие? – спросил Леонид.

– Сссла – это мы. Наше самоназвание. Ближайший аналог в русском языке – «люди». А не-сссла, соответственно, любые врасу, не относящиеся к нашему виду. Нашел. Вот это тебе наверняка понравится.

Густая коричневая паста на вкус оказалась сносной.

– Экстракт из балларанских овощей, – пояснил Касс.

– Едал и похуже, – кивнул Леонид, – напоминает высушенную кабачковую икру. Главное, при еде на цвет не обращать внимания – а то ассоциации очень стойкие возникают...

– Кабачковая икра? Кабачок – это кто?

– Растение такое.

– У вас есть растения, размножающиеся икрой? – удивился Касс.

– Да нет. Блюдо так называется просто. У нас однажды гостю заморскому преподнесли угощение – черную икру. Тот посмотрел и говорит: это мы, мол, уже едали... Приносят красную – тот смотрит, говорит, что и это уже ел. Тогда принесли кабачковую. Гость посмотрел и выдал: «А это уже кто-то другой едал...» Хотя ладно, забудь. По-русски ты говоришь отлично, но наши анекдоты вряд ли поймешь.

А дело-то дрянь. Десять лет? Ладно. Черт знает в каком закоулке галактики? О'кей. Но все эти десять лет жрать вот такое непоймичтозахрень?!

– Так, значит, этим мне придется питаться все время?

– О, нет, конечно. Говорю же, балларан – раса, в физиологическом и биохимическом аспектах практически идентичная твоей. У них есть шоколад и некоторые земные фрукты и овощи – это первое, что мы для них вывезли с Земли. Вот это пробуй – должно быть сладким, если мне память не изменяет. Я сам балларанскую еду не ем – так что извиняй. Доберемся до ближайшей базы – там в плане меню будет все хорошо.

Предложенный тюбик содержал желе того же цвета, но совершенно иное на вкус.

– На сгущенное молоко с мармеладом похоже, – одобрил Леонид, – хотя мысль смешивать это мне раньше не приходила... А в галактике, кроме нас, вас и балларан, есть другие?

– Есть, причем вагон и малая тележка. Только с уровнем развития выше земного полсотни разных видов врасу. Варваров – не успевших построить цивилизацию или утративших ее – вместе с квазиразумными видами – за двести. И то не вся галактика еще исследована.

– А не слишком ли много для ста пятидесяти миллиардов звезд, большинство из которых не имеет планет или вообще принципиально не может стать источником жизни? Если я верно помню формулу, в нашей галактике математически может быть десять-двадцать

рас, помимо людей.

Касс проглотил свою пищу и заметил:

– Вот уж никогда не думал, что наемники на Земле знают астрономию.

Леонид пожал плечами:

– А прикинь. Мы во время югославского кризиса как-то застряли в одной деревеньке хорватской на две недели. Вокруг опорного пункта сербские снайпера – и ни мы уйти не могли, ни они захватить. Скукота страшная. И вот нашел я там учебник по астрономии – единственная книга во всем здании. И что делать, читал.

– Понятно. В целом ты прав. Строго математически, в галактике действительно наблюдается примерно в сто раз больше видов врасу и квазиврасу, чем могло возникнуть. Объясняется это просто, действиями сверхрасы предтеч, и еще не факт, что она одна была, эта сверхраса.

Леонид доел пасту и оглянулся в поисках мусорного бачка.

– Вон та штука – утилизатор, – указал Касс.

– Теперь обрисуй мне общий план действий.

– Все довольно просто. Заберем в одном месте оборудование и вооружение, потом загрузим на борт личный состав, так сказать, высадимся где-нибудь вдали от цивилизации и проведем небольшие учения, чтобы ты понял, как управлять бойцами. А потом отправимся искать нанимателя.

– Да я даже компьютера не освоил, – проворчал наемник, – а тут андроиды сразу...

– Говорю же – все будет не просто, а очень просто. Я еще раз повторяю – ты не будешь управлять роботами. Ты будешь командовать подразделением наемников. Все как ты привык. «Сэр, да, сэр!», «так точно», «смирно», «отдать честь». Андроиды имитируют человека и ведут себя как люди. Если бы я тебе не сказал, что это роботы, ты бы сам не догадался. Хотя заподозрил бы, что с ними что-то не так. Но не-земляне, при соблюдении некоторых правил безопасности, и вовсе не смогут ничего понять. И вообще – не парься понапрасну. Твоя работа – играть роль. Подразделению роботов для выполнения гарнизонной службы ты, по большому счету, вообще не нужен.

– Так нахрена я тогда?! – рассердился Леонид.

Пришелец приподнял верхнюю «губу» в пародии на улыбку:

– Играть роль. Искин не способен имитировать живого врасу абсолютно точно, это раз. Потому ты будешь посредником между подразделением и нанимателем. Тебя с роботом спутать нельзя, твоя задача – вести себя примерно как роботы ведут. Морда кирпичом, полная невозмутимость, минимум эмоций. И тогда аналогичное поведение андроидов будет казаться чем-то естественным. Я еще раз тебе говорю – не напрягайся понапрасну. Считай, что тебе вместо пенсии досталось место почетного гвардейца. Гарнизонная служба и полицейские функции.

– Тебе актер нужен, – проворчал наемник, – а не настоящий солдат!

– Нет, все же солдат. Где взять актера с восемью боевыми ранениями и кучей шрамов, полученных в смертельных схватках? Твоя биография – часть легенды подразделения.

– Сочинить можно любую легенду...

– Забыл сказать. Наряду с УРР широко распространен универсальный детектор лжи. На деловые переговоры каждая сторона приносит свой детектор, настроенный на собеседника, во избежание мошенничества, так что врать и сочинять – не вариант. Потому твой послужной список играет немаловажную роль. Видишь ли, я позиционирую «Земных

Волков» как элитное подразделение для охраны особо важных объектов. Командир-ветеран, причем настоящий, а не актер, строго обязательен.

– Понятно. Отхожее место у тебя где?

Касс показал пальцем:

– По коридору и налево. Это, если вдруг моча будет необычного цвета – не паникуй. Просто наноботы выходят.

– Нано-чего?

– Наномашины. Роботы микроскопического размера. Медмодуль влил в тебя около литра их – миллиард или где-то так. На наномашинах базируются практически вся хирургия и многие другие направления медицины. Нанороботы попадают в кровь, направляются к месту выполнения своих задач – например, в твоем случае это был ремонт печени и удаление последствий предыдущего лечения, рубцов, прочистка сосудов и так далее. После того как нанобот выполняет свою функцию, он выводится из организма с мочой. Это же круче, чем скальпелем резать, правда?

Туалет на инопланетном корабле оказался чрезвычайно похож на обычный земной, и Леонид поймал себя на мысли, что привыкать ко многим вещам даже и не требуется. Впрочем, если бы не такое потрясающее сходство ссела с землянами, картина могла быть совсем другой.

– А наноботы точно все вышли? – подозрительно спросил он, сделав свое дело и вернувшись на камбуз.

– А что?

– Что-что! Меня не радует мысль, что внутри лазают рукотворные микробы!

Касс развел руки в подчеркнуто человеческом жесте:

– Привыкнешь. Часть наноботов – искусственные клетки, которые остались у тебя в печени, желудке и других ранах. Первая волна наномашин удаляет рубцы, вторая – замещает живые клетки, которые должны были там быть, пока естественная регенерация не восстановит ткани. В итоге получаем желудок, который никогда не был прострелен.

– Ты хочешь сказать – я теперь частично состою из нанороботов?!

– Нет. Они играют роль повязки на ране, только внутри. Я тебе объясню. Наноботы – огромный прорыв в медицине. Наноботы, исполняющие функции синтетических клеток, – еще больший прорыв. Давай предположим, что боец получил на поле боя смертельные ожоги. Пострадало семьдесят процентов поверхности тела, повреждены внутренние ткани. Земная медицина в таких случаях бессильна. Наша собственная может спасти жизнь пострадавшего только при наличии специального оборудования – медмодуля высокой сложности, что на поле боя нереально. Но если у бойца или его товарищей есть достаточно наножидкости – он спасен. Наноботы заменяют сожженные ткани и кожу, выполняя все их функции и восстанавливая состояние пострадавшего почти полностью. Солдат способен всего через несколько минут продолжить бой, а потом самостоятельно проследовать в медпункт. А там уже он получит всю необходимую помощь.

– Ни фиги себе! – удивился Леонид.

– То-то же! – Касс достал из заднего кармана комбинезона прямоугольную коробочку и поднял ее над головой, словно священный символ или знамя: – Полюбуйся. Первая помощь самому себе при любых ранах. Сквозное ранение в живот? Сестра, сорок кубиков наноботов! Оторвана рука? Наноботы! Разорвана яремная вена? Наноботы!! Повреждение спинного мозга? Наноботы!!! Семь бед – один ответ. Да, ты правильно меня понял, какой именно.

Наноботы.

– И каждый из них настолько умный, что знает, что ему делать? – любопытствовал наемник.

– Строго говоря – нет. Но знает мой искин. Искин соединен с контейнером, а контейнер служит связующим звеном между искином и наноботами.

– Хороший у тебя искин. Даже лечить умеет.

– Еще бы. У нас вообще без искина почти как без рук. К хорошему привыкаешь быстро. А мой, как ты догадываешься, военная модель. Впрочем – обожди тут. Вот тебе напиток вместо компота, а я пойду принесу твой УРР.

Касс вышел и вскоре вернулся с гибридом очков и наушников наподобие собственного УРР, но с обручем вместо ремешков в качестве крепления, и прибором размером с мобильный телефон.

– Надевай. Сейчас я его активирую.

Прибор пискнул, и внезапно из него буквально выплыли призрачные светло-синие и голубые прямоугольники, заполненные значками и бегущими строчками.

– Что это? – удивился Леонид.

– Прибор для настройки УРР и прочей персональной электроники. А это – голографический дисплей. Причем сенсорный. Вообще, привыкай: голографические сенсорные панели – это норма нынешнего дня во всех цивилизованных местах. Так... активирую. Теперь аккуратно совмести свою ладонь вот с этим местом... Готово.

Он повертел в руках обруч. Черный, на ощупь пластиковый, спереди широкая прозрачная пластина, которая, если надеть прибор на голову, окажется как раз перед глазами. По бокам наушники, слева на обруче закреплен черный кубик размером чуть меньше спичечного коробка. Батарейка, видимо.

Наемник аккуратно приладил обруч на голову и вставил наушники.

Здравствуй, господин. Твой верный слуга счастлив служить тебе.

Леонид моргнул от неожиданности и сообразил, что слышит голос в наушниках.

– Кто это сказал?!

Искусственный интеллект, служащий тебе, хозяин.

Касс ухмыльнулся:

– Твой искин. Теперь его надо настроить, как тебе удобно. Во-первых, он должен выводить на очки переводимую информацию. Во-вторых, он должен переводить для тебя все неизвестные языки.

– И как это сделать?

– Прикажи ему. Любая твоя реплика, которую ты начнешь с обращения к искину, будет воспринята им как команда. Если у тебя несколько искинов – ты можешь давать каждому свое кодовое имя или кличку.

– Хм... Искин, переводи на русский язык все, что я вижу, но не понимаю.

Слушаюсь и повинуюсь, мой господин. Прикажете выводить переведенную информацию голосом, текстом на экранах УРР или в режиме расширенной реальности?

– Эмм... в расширенной реальности.

Приказ выполнен, повелитель.

Что-то неуловимо изменилось вокруг. Леонид несколько секунд пытался понять, что именно, и внезапно обнаружил, что надписи на пакете с пищей, над входной дверью и даже на голографическом дисплее Касса стали понятными. Они были написаны русскими

буквами. «Концентрат тулокка», – прочел наемник на пакете. Моргнул, пальцем приподнял визор УРРа и убедился, что тубик покрыт совершенно непонятными символами. Взгляд через визор – о, чудо! Все надписи на русском!

– Обалденно, – прокомментировал Леонид, – взгляд через очки меняет надписи на банках.

Касс в ответ выдал совершенно несуразную окоlesiцу с шипением и присвистом.

А то. Высокие технологии, коллега, высокие технологии. Ваш собеседник говорит на общем языке сссла, господин. Желаете приказать мне переводить все прочие языки на русский синхронно?

– Да, желаю.

Сейчас же и незамедлительно, мой повелитель. Соблаговолите плотнее вставить наушники, чтобы синхронный перевод не накладывался на оригинал и не выводил вас из душевного равновесия.

– Касс, еще раз повтори, что ты сказал? – попросил Леонид, выполнив рекомендацию искина.

– А то. Высокие технологии, коллега, высокие технологии.

– Ты это сказал на своем языке?

– Именно. И сейчас говорю на своем. Слышишь русский?

– Угу. Шикарно, должен признать. Искин переводит твои слова твоим голосом, но на русском. Технология, подменяющая изображение так, что мне незаметны искажения, великолепна. Только это... все искины общаются... так?

Касс изменился в лице, и в уголке визора появился текст: «огорчение».

– Я опасался, что тебе не понравится. Я сам смог попользоваться этим УРРом только четыре дня – дальше нервы не выдержали. Мой господин, слушаю и повинуюсь, сейчас же и незамедлительно... Я привык к четким, коротким сообщениям боевых искинов, а этот – форменное издевательство.

– Ну и нахрена ты мне его дал? – возмутился Леонид. – На тебе, боже, что мне не гоже?!

– Понимаешь, это УРР экстра-класса. Дипломат-класс, штучная работа. Искин – самый совершенный. Это круче, чем военные искины. Он может все, что вообще может искин. Читать эмоции по лицам чужаков, переводить дву-смысленные выражения, он знает, как управлять любым транспортным средством, включая звездолеты, отлично защищен от взлома и способен действовать в интересах владельца, не напрягая последнего. Например, все данные по устройству твоего организма, которые есть в моем медмодуле, он уже скачал. Этот УРР стоит чудовищных денег. Мне он достался по дешевке, я для себя покупал. Но крепость своих нервов переоценил. Собственно, подобное поведение искина и стало причиной того, что прибор сменил нескольких владельцев и я купил его за бесценок. Первоначально УРР был сделан на заказ, и заказчик специально хотел именно такого искина. Так что радуйся – тебе досталась воистину незаменимая вещь, еще и эксклюзив. Да, его «слушаюсь и повинуюсь» бесит, – но, чтобы хорошо прижиться здесь, придется потерпеть.

– Да уж, заказчик явно был болен манией величия. А перепрограммировать его?

– Если бы это было возможно – он был бы сейчас на моей голове. Дипломат-класс не вскрыть.

– Черт... Искин!

Готов выполнять приказания, господин!

– Отныне ты будешь обращаться ко мне «сэр». Понятно?

Прошу простить меня, хозяин, но я не смею обращаться к своему господину и повелителю менее уважительно, чем вы того заслуживаете.

– Чтоб ты сдох!

Приказ невыполним, мой господин!

– Твою ж мать...

* * *

За последующие два дня Леонид более-менее разобрался в том, куда же он попал. Более пятидесяти разумных видов, более полутора ста фракций, под тысячу обитаемых миров и множество колоний – тот еще муравейник. Неудивительно, что Касс-р-Кинн решил нагреть свои четырехпалые руки на войне. Высокие технологии высокими технологиями – а война как была главным занятием разумного существа, так и осталась. Видимо, все эти сссла, балларан и прочие врасу обогнали в развитии варваров-землян не так сильно, как сами думают. В молодости Леонид зачитывался книгами Ефремова и верил, что светлое будущее будет примерно как в «Туманности Андромеды» и наемные псы войны вроде него останутся в прошлом, и сам одновременно и радовался, что не доживет до тех времен, когда станет анахронизмом, и сожалел, что не увидит этого прекрасного далека. Повзрослев, он понял, что Ефремов был наивным идеалистом. Что война будет всегда. И вот теперь, лежа на койке в каюте инопланетного корабля и слушая бормотание искина, Леонид убедился в своей правоте. Галактическое содружество, насчитавшее сто тысяч периодов новой эры, то есть около двадцати пяти тысяч лет, с самого первого дня основания было и осталось растревоженным осиным гнездом. Точь-в-точь как история Земли, история содружества была историей войн.

Вместе с тем, определенный прогресс у галактического сообщества все же имелся. Единый стандарт УРР исключил недопонимание как причину конфликта, войны велись по строго регламентированным правилам, а так называемый «совет одиннадцати» следил за тем, чтобы правила не нарушались. Правда, у искина не оказалось глубоких данных по истории, потому Леонид обратился за разъяснениями к Кассу.

– Первоначально галактическое содружество было образовано силами одиннадцати рас, которые и по сей день остаются одними из самых влиятельных, в том числе и сссла. Типа «большой семерки» на Земле.

Он отложил в сторону прибор, с которым копался во внутренностях настенной панели в силовом отсеке, сел на массивную конструкцию, выходящую из пола, и сделал знак Леониду сесть напротив.

– В общем, ситуация примерно такая. Совет не вмешивается в дела любых врасу до тех пор, пока нет нарушений «кодекса предотвращения»...

– Кодекс предотвращения чего?

Касс мигнул своими желтыми глазами:

– Войны.

– Так ведь и так все воюют!

– Речь не о войнах, а о Войне. О Большой Войне. Видишь ли, еще не так давно по вселенским меркам наша галактика была населена очень густо. Все те же предтечи постарались, видимо, хотя никаких прямых тому доказательств нет. Пятьдесят тысяч лет

назад общее количество только высокоразвитых цивилизаций, существовавших тогда, оценивается от пятисот до двух тысяч.

– Хренасе! Как такое быть может?!

– Никто не знает. История дала бы ответ на этот вопрос – если бы ее помнили. А потом случилась Война. Причем такая, что ваша Вторая мировая по сравнению с ней – муравьиная ссора. Воевали немыслимым оружием, которое не то что целые народы – солнечные системы уничтожало на раз-два вместе со звездами. Один только «пространственный коагулятор» чего стоил. Кто ее начал, кто там был прав, кто виноват, – неизвестно. Война разделила всех обитателей галактики на две категории – на меньшинство, которое выжило, и всех остальных.

– Что такое «пространственный коагулятор»?

– Устройство, которое схлопывает пространство. Им обычно стреляли по звездам. Бабах – звезды нет, как и пространства, которое она занимала, а все планеты стянуты в кучу и спаяны в одно целое... Такие «памятники», а точнее – колоссальные кладбища цивилизаций, – тут и там встречаются по всей галактике. Висят себе в пространстве в назидание тем, кто придет после.

– Екарный бабай...

– Ты только учти – подобные вещи вслух не говорят. Стоит тебе сказать в публичном месте «пространственный коагулятор» – встреча с Вершителями обеспечена.

– А это кто такие?

– Чтобы тебе было проще понять – типа инквизиции. Вершители – сила, подчиняющаяся только совету, их полномочия почти не ограничены. Они следят за соблюдением «кодекса». Каждая цивилизация, входящая в содружество, предоставляет совету некоторое количество отборных войск и средства на их содержание. В целом армия Вершителей соизмерима по силе с любой другой армией.

– Понятно. Вроде миротворцев.

– Да ничего подобного. В задачи Вершителей входит уничтожение тех, кто угрожает безопасности галактики. Конечно, обычно они действуют куда менее грубо, более того, прямое применение силы у Вершителей считается моветоном и признаком недостаточной мудрости и опыта. Но когда ты видишь одинокого Вершителя – знай, что за его спиной тысячи боевых звездолетов и сотни тысяч солдат.

Леонид обдумал услышанное.

– Понятно. И что будет, если я скажу в людном месте «пространственный коагулятор»?

– Тебя задержат для допроса Вершителем. Ты, разумеется, скажешь, что услышал это от меня. Тебе на первый раз объяснят, что некоторым знаниям, даже если это всего лишь знание названия, лучше оставаться забытыми, а потом проведут подобную беседу и со мной. Но в базах данных Вершителей мы уже останемся.

– А если потом второй раз скажу? – ухмыльнулся Леонид.

Касс покачал головой:

– Есть вещи, которыми не шутят. Особенно с Вершителями – с ними вообще не надо шутить.

– Понимаю. А что мой искин говорил о правилах войны?

– Если коротко, то существуют определенные нормы взаимоотношений, и это касается не только войны. Но конкретно насчет правил боевых действий – запрещено применение некоторых видов оружия, например, содержащее живую органику, а также любое оружие

массового поражения. Запрещены боевые киборги, если оружие – часть их тела.

– Оружие с органикой – это как?

– Автомат должен состоять только из неживой материи. Если оружие содержит в себе живые клетки – оно запрещено.

– Хм... почему так?

– Тут непрямая причина. Понимаешь, все виды оружия Большой Войны содержали в себе органику, а точнее – аналоговые вычислители. Под запрет на органическое оружие автоматически попадает любое из сверхразрушительного оружия. Вообще-то, это формальность, потому что действующих образцов сверхоружия попросту не осталось. С киборгами то же самое. Киборг, имеющий оружие в качестве части тела, – вне закона.

– А если попроще? Киборг – робот? Типа терминатора?

Касс покачал головой:

– Нет. Если ты потеряешь руку и тебе вместо нее присобачат кибернетический протез, который функционирует как часть тела, то станешь киборгом. Строго технически, ты и так киборг, потому что наномашин в твоей печени и есть кибернетические микропротезы. А когда естественная регенерация заменит утраченные клетки и наноботы выведутся из организма – перестанешь им быть. Так вот. Если тебе присобачат кибер-руку – все хорошо. Если вместо руки приделать оружие, управляемое сигналами твоего мозга, – упс. Потому что формально ты становишься оружием с органикой. А если держишь механической рукой пистолет – пистолет не является частью тела, значит, закон не нарушен.

– Понятно. Что еще по правилам войны?

– Есть ряд ограничений по ведению боевых действий. Например, запрещено атаковать родные миры цивилизаций. Коренное население захваченного мира автоматически получает гражданство захватчика – что свело войны ради территории на нет. В общем, правил есть много разных, но в конечном итоге они все привели к тому, что полномасштабные войны на уничтожение не ведутся. То есть сражение двух армад звездолетов – большая редкость. Войны локального масштаба – тут и там. Тут за астероид с трансурановыми, там за более-менее уютную незаселенную планетку. А так чтоб глобально – нет. Рейдерский налет на шахтерскую колонию ради ископаемых – запросто. По пятьсот крейсеров стенка на стенку – не-а. Это слишком дорого, ко всему прочему. Раз повоевал, два повоевал – третью войну воевать уже нечем будет. Боевой линкор построить – не танков наштамповать. Колоссальные затраты ресурсов.

Леонид хмыкнул:

– И за всем этим стоят Вершителю?

– Только частично. Они – первый эшелон сдерживания. Следят, чтобы не было нарушений. Понимаешь, как бы там ни было, но большинство галактических рас – очень приличная публика. Вести войны без правил – варварство. А если кто-то начнет сильно нарушать правила – против него ополчатся не только Вершителю, но вся галактика. В самом деле, соседа, который может устроить геноцид целой планеты, никто возле себя не потерпит, понимаешь, о чем я?

Корабль Касса, двигаясь со скоростью около двух миллионов километров в час, долетел до Солнца за три дня. Искин объяснил Леониду, зачем именно: звезды, как самые большие средоточия массы, являются не только ориентирами астронавигации, но и точками сопряжения измерений, в которых проще всего открыть подпространственный тоннель до удаленной звезды. Тоннельный привод – единственный известный в галактике способ

быстрого звездоплавания – работает тем надежнее, чем ближе к звездам находятся начало и конец тоннеля. Ключевые точки – зенит и надир любой звезды – позволяют выстраивать тоннели точно и надежно даже для слабейших приводов. Войти в подпространство или выйти из него вдали от звезды – задача сложная, требующая мощного привода, высокоточной сложной навигационной аппаратуры, высочайшего профессионализма навигатора, и при всем этом – всегда рискованная.

Разумеется, пропустить такое действие, как межзвездный прыжок, Леонид не мог.

Капитанский мостик звездолета представлял собой тесную полукруглую кабину с двумя рабочими местами в центре и шестью вдоль стен. Приборные доски – комбинации сенсорных панелей, экранов, огоньков, приборов, клавиатурных консолей и различных органов управления. И большинство основательно припало пылию.

– Ты только ничего не трогай! – распорядился Касс, когда Леонид сел рядом на свободное центральное место.

– Я же не дурак трогать то, что вижу первый раз в жизни, – ухмыльнулся наемник и заметил: – А заметно, что корабль устаревший. Нет голографических сенсорных экранов.

Касс негромко засмеялся своим кашляющим смехом:

– Наблюдение меткое, а вывод – не очень. На самых современных наших кораблях их тоже нет. Удобно в обиходе – но недостаточно надежно. Начинка приборных панелей меняется со временем – а внешний вид остается прежним. Я могу сесть в кабину звездолета, списанного тысячи периодов назад, – и вполне успешно им управлять.

– Зачем так долго хранить звездолеты, если вы все время строите новые? Они сохраняют работоспособность много лет?

– Да, – кивнул собеседник, – приборы без движущихся деталей очень надежны. А звездолеты... Болезнь ретромании распространяется не только на земных автомобилистов. Кроме того, личный звездолет старой конструкции – статусная вещь. Видишь перед собой крейсер, снятый с вооружения восемь тысяч периодов тому назад, – знаешь, что владелец очень состоятельный и влиятельный сссла. Потому как переоснастить старый звездолет фантастически дорого. Тоннельный привод, энергомодуль, системы жизнеобеспечения и спасения экипажа, системы навигации, маршевые и маневровые двигатели, антигравитационная решетка – все это со временем надо менять. Это дороже выйдет, чем купить себе новейший корабль. С другой стороны, иметь личный современный крейсер – значит быть еще влиятельнее, потому что без связей ты его не получишь. Но это моветон, у нас не принято ради понтов владеть тем, в чем нуждается флот и армия.

Леонид кивнул:

– Оно и правильно. Значит, ты тоже влиятельный и богатый, если летаешь на личном военном корабле?

– Ничего подобного. – С этими словами Касс закончил бегать пальцами по клавишам и вывел на боковой экран отчет о состоянии корабля, сообщавший о полной готовности всех систем: – Это малый десантный корабль, списанный двадцать периодов назад. Для статусного корабля – слишком малы возраст и размеры. Для обычной яхты – дорогое обслуживание и минимальный комфорт. Но для бродячего торговца вроде меня броня, пушки и грузовые отсеки – в самый раз. К тому же такие корабли живут долгую жизнь и после списания: мы списали, а у кого-то весь флот состоит из кораблей, списанных другими расами, и для этого кого-то чужой хлам – вершина высоких технологий. Продажа или передача старого оборудования менее развитым дружественным народам – стандартное

явление. Так... Навигатор, начать расчет тоннеля! Стандартный протокол прыжка.

– Начинаю! – доложил бортовой компьютер.

Пронзительный, громкий звонок прокатился по коридорам корабля.

– Тревога?! – насторожился Леонид.

Сигнал побудки, господин. Штатное действие перед прыжком.

– Сигнал побудки, так и должно быть, – пояснил Касс, – во время прыжка спать нельзя.

– Почему?

– Можно не проснуться. Вероятность мала, но есть. А бывают и...

Торговец сморщил лоб, искин сразу же вывел в уголке визора УРР текст: «Легкая дрожь.

Вероятная причина – неприятные воспоминания».

– Почему так?

– Никто не знает. Сон в момент прыжка изредка заканчивается прекращением всех жизненных процессов. Любая помощь бесполезна. Некоторые врасу, верящие в душу, считают, что во время сна душа отделяется от тела и в момент прыжка, когда корабль переходит в иное измерение, связь разрывается. Высказываются и другие гипотезы – тем более что ассортимент пугающих и необъяснимых событий, которые случаются при проходе через тоннель, достаточно широк. Я стал однажды свидетелем такого на учениях. Нас – двадцать тысяч новичков в нескольких больших транспортах – мотали туда-сюда по десять раз в цикл – стандартные сутки. Обычное дело для нашего десанта.

– Ты служил в десанте?

– Да... Перерывы между прыжками по пять минут. Никакой корабельный реактор такого не выдержит – в точках прыжков ставились мобильные корабли-генераторы. Дозаправщики по-вашему. Прыгнули, зарядились, прыгнули, зарядились... Поспать просто некогда. А хочется. Сигнала побудки нет – имитация боевой ситуации на поврежденном транспорте. Надеешься только на себя, искина и товарищей, чтобы не заснуть. Пытка. Вообще, поначалу не уважаешь подпространственные прыжки. Подумаешь... Некоторые из нас все же засыпали. Схема одна и та же – уходишь в туалет, на камбуз, на склад – куда угодно, по любому поводу, лишь бы товарищей, которые не дают заснуть, рядом не было, вырубаешь искина, чтобы не будил. И спокойно кемаришь, пока все мучаются и нервничают.

Касс пожевал «губами», перевел несколько ползунков на дисплее и продолжил рассказ:

– И вот однажды один такой соня в момент выхода из подпространства начал кричать – истошно, пронзительно, страшно, безостановочно. Ему пытались помочь, но даже чудовищная доза транквилизатора не подействовала. Он вопил, вырывался, извивался... Я не видел его лица, но те, которые видели, говорили, что глаза были безумны. Он умер минут через восемь: кровь горлом, затем кровоизлияние в мозг. И только потом я узнал, зачем нас мотают туда-сюда по много-много раз. Чтобы с кем-то одним что-то приключилось. Старый офицер после разбора полетов сказал нам: «Теперь я уверен, что никто из вас никогда не будет спать в прыжке. И не позволит другим».

– А отчего он кричал-то?

– Если бы я знал – было бы не так жутко.

– Какая приятная история перед первым прыжком.

– Угу. Главное – придерживаться простых правил безопасности. Твой искин еще не рассказал тебе?..

Ждал, когда вы прервете разговор, хозяин. Желаете прямо...

– Лучше ты Расскажи. Искин меня бесит.

– Ладно, – кивнул Касс, – правило первое – не спать. Правило второе – не выходить в шлюз, а тем более за борт. Правило третье – не нервничать, не бояться и не делать глупостей. Правило четвертое – не верить своим глазам и не бояться, что бы ни увидел. Правило пятое – не прыгать с поврежденным приводом без предельной нужды. И все. Из аномалий в подпространстве наиболее распространены галлюцинации. Ты можешь видеть странные вещи – например, людей, зверей, родственников или летающие тапочки твоей бабки. Можешь слышать голоса снаружи. Иногда голоса предлагают выйти за борт. Иногда глюки и голоса одновременно видят и слышат несколько разных человек, даже если они принадлежат к разным видам. Любые записывающие устройства ничего не фиксируют. Никогда. Еще в подпространстве можно наблюдать за бортом что угодно...

– Ты же сказал – не выходить за борт?

– Изнутри, ясное дело.

Он ткнул пальцем в панель, и стены рубки внезапно словно стали прозрачными. Леонид ахнул: прямо перед кораблем, закрывая весь обзор от края до края, бурлил темно-красный океан.

– Что это?!

– Это твоя звезда – Солнце, – пояснил Касс, – фильтры камер уменьшают светимость, а стенные экраны вообще не в состоянии выдать столько света, чтобы повредились глаза. Оттого оно кажется красным. Полюбуйся вблизи – может быть, в последний раз видишь. Так вот, во время прыжков я обычно смотрю из кабины наружу. Просто ради развлечения. Можно увидеть такое, что даже в голову не укладывается – но все это исключительно миражи. В общем, ты понял – не верь глазам, не паникуй, не делай ничего под влиянием увиденного. Что бы ты ни видел и ни слышал – оно не существует. Или существует, но не способно влиять на материальную реальность. Готов?

– Думаю, да, – кивнул Леонид.

– Тогда – Навигатор, начать процедуру прыжка!

* * *

Подпространство на первый взгляд казалось просто обычным космосом, как он выглядел на фотографиях, виденных Леонидом. Только без звезд. Слева и справа – медленно проплывающие мимо красноватые туманности, подернутые белой дымкой.

– Кажется, словно летим в облаках, – заметил наемник, – это вообще что за туман?

– Понятия не имею. Может, мираж, может, что другое. Никто не знает.

– Никто не изучает подпространство?

– Его невозможно изучать. Подпространство – место, где привычные законы физики не работают. Корабль движется по каналу, внутри которого не соприкасается с реальностью или нереальностью чуждого измерения, но там, дальше, – необъяснимое, которое понято быть не может. Нельзя изучить одно измерение с помощью знаний законов другого. Это еще глупее, чем мерить расстояние литрами, а вес – секундами.

Наемник пожал плечами:

– Один неглупый человек сказал: «Всякий вопрос имеет свой ответ. Просто мы его не всегда знаем».

– Или – в принципе не способны осмыслить, – возразил Касс. – Ты когда-нибудь слышал

про неевклидову геометрию?

– Нет. Что это?

– То, чем земляне удивили всю галактику. Некто Лобачевский, великий математик, однажды решил поуп-ражняться в остроумии и задался вопросом: а что было бы, если бы через точку, не лежащую на некой прямой, можно было бы проложить не одну прямую, параллельную к данной, а минимум две?

– Это как? Ты бы попроще как-то, мы ж университетов не кончали.

– А куда проще? Начерти прямую. Поставь точку. Проведи через точку линию, параллельную к первой. Планшет и стилус дать?

– И что?

– Что ты сможешь провести только одну такую прямую. Это такой же закон, как дважды два – четыре. Так вот. Лобачевский предположил, что могла бы существовать иная геометрия, которая отличается от нашей лишь одним: через одну точку можно провести две и более прямые, параллельные к данной. И, отталкиваясь от этого предположения, сей ученый муж разработал новую непротиворечивую геометрию.

– Я все еще не понимаю, в чем тут подвох?

– В том, что в нашей реальности такая геометрия невозможна. Ты не способен не то что провести две прямые через одну точку, чтобы они были параллельны и не совпадали, такое невозможно даже представить. Ибо это грубое нарушение законов нашего мира. Это невозможно... в нашем измерении. Но чисто теоретически это может быть возможно в измерении ином. Совершенно очевидно, что там все-все будет не таким, как у нас. Мы не сможем не то что понять тот мир – мы существовать в нем не будем. Так вот. Получается, Лобачевский доказал теоретическую возможность вывести упорядоченную систему законов природы чуждого мира, даже не будучи способным понять ее умом. Это примерно как если бы слепой от рождения изобрел телескоп, понимаешь? Галактика населена триллионами существ, многие из которых умнее землян. Но лишь Лобачевский додумался до подобной бредовой, на первый взгляд, идеи. Которая на поверку оказалась гениальной.

– Ты так много знаешь о Земле и землянах, – изменил тему разговора Леонид.

– Разумеется. После того как я уволился из армии, работал полевым исследователем. Поднял при этом немалые деньги, вывозя с Земли разные экзотические вещишки. Коллекционеры порой готовы хорошо платить за артефакты, толком ничего не стоящие. Вывоз чего-либо в промышленных масштабах воспрещен, но никто не запрещает прихватить сувениры себе или другим.

– А где вы земные деньги берете? Поддельваете?

– Строго запрещено – и глупо. Исследователь прибывает с небольшим запасом чего-либо, имеющего ценность для аборигенов. В нашем случае – ввозим золото. А для крупных закупок – ввозим драгоценные камни. Именно так мы закупили партии сельскохозяйственных культур, которыми заинтересовались сходные с вами народы. Так что все честно... относительно.

– Почему относительно?

Касс, задумчиво глядя на стенные экраны, ответил:

– Потому что ввоз, скажем, алмазов в промышленных масштабах вызовет падение цены на земные алмазы. Ввозя много золота, мы можем за месяц сильно навредить экономике Земли, да так, что все банки будет долго... как это... колбасить. Вот для того и нужно культурное эмбарго.

Леонид потихоньку мотал себе на ус. У Касса все звучит очень гладко. И галактическое сообщество прямо аж такое развитое, и он сам честный, и все так о землянах пекутся, чтобы не навредить... У мошенников всегда все звучит гладко, иначе они давно вымерли бы с голоду.

– А почему такие великие нации пекутся о каких-то варварах с Земли? Твой медмодуль умеет лечить землян, исследователи спокойно шпарят по-русски... Как-то оно подозрительно. Не могу отделаться от мысли о вторжении.

Торговец закашлялся своим странным смехом:

– Во-первых, а почему у вас на Земле перестали негров в рабстве держать? Потому что вы стали культурнее. А мы и подавно вас обогнали. Уверен, ты неправильно понимаешь слово «культура», коллега. Это не доброта, не альтруизм и не прочая муть. Тупые варвары-римляне были рабовладельцами – где они? Рим пал. Рабство само по себе невыгодно, ты же должен был учить это на уроках истории в школе. Культурное общество не держит рабов, ненавидящих своих хозяев, и армию охраны. Платить работнику, заинтересованному в результате работы, – выгоднее. Офисный планктон куда почтительнее раба, старательней раба и не устроит восстания. Культура, друг мой, это не театр, балет и музыка. Это такое устройство общества, когда оно функционирует приемлемо для как можно большего количества врасу. И тогда, когда общество начинает эффективно обеспечивать себя едой и необходимыми вещами, появляется время на театр и музыку. Искусство, спорт, наука – это не культура. Это ее закономерные последствия. Более того, вы уже начинаете беситься с жиру и придумываете всякую фигню вроде прав животных, сайентологии, посылая радиосигналов удаленным звездам, которые дойдут только через тысячи лет. Просто потому, что развитие вашего общества начинает давать вам возможности страдать ерундой.

Так вот, мы плавно переходим к собственно ответу на твой вопрос. Почему галактическое общество защищает развивающиеся народы? Мы могли бы прийти тысячи лет назад, дать вам азы наук и медицины, чтобы вы на нас работали. Строили для нас космолеты и мебель. И ваш путь развития был бы в точности как наш, только быстрее. Но – тогда бы не было Лобачевского. За десятки тысяч земных лет ни один мозг в галактике не додумался до того, до чего додумался земной математик. Даже сейчас эти знания нам бесполезны, потому что те практические задачи, для которых земные математики применяют геометрию Лобачевского, у нас решаются другими способами. Это открытие слишком сильно опередило свое время – но в будущем само доказательство возможности понимать чуждые законы природы может открыть новую страницу. Такие вот дела. Многие молодые расы додумывались до простых вроде бы вещей, до которых не додумывался больше никто. Вмешиваясь в их развитие, мы бы остались без их открытий.

– Так ты еще и в математике рубишь, – заметил Леонид.

– У меня даже есть ученая степень, представляешь? Я написал трактат о сравнительном анализе психологии землян и балларанцев. И получил за это достаточный гонорар, чтобы вкупе со своими сбережениями начать свое дело...

В этот момент что-то огромное и темное показалось сверху над звездолетом, двигаясь с большей скоростью.

– Смотри, что это?

Касс приказал автопилоту включить прожектор и навести на объект. Леонид увидел длинное сигарообразное тело, но понял, что это такое, только когда оно обогнало звездолет: в самом конце его обнаружили гребные винты, а сбоку виднелись стволы двух пар мощных

орудий, нацеленных куда-то в сторону. Свет прожектора выхватил надпись на корме на немецком языке: «Бисмарк».

– Ха, тебе везет, – заметил торговец. – Первый раз в прыжке – и ты уже увидел что-то знакомое. Я увидел нечто осмысленное только на пятом прыжке – стаю летающих пузырей со своей планеты.

– Да уж. Забавно, когда линкоры обгоняют звездолеты...

– То есть то, что «Бисмарк» летает в подпространстве, тебя уже не удивляет?

– И не говори. Слушай, а мы можем его... догнать?

– Вряд ли. Да и зачем? Он ненастоящий.

– Было бы здорово посмотреть на него вблизи... а походить по палубе еще круче.

– Правило не выходить из корабля забыл?

– Нет, но все равно было бы здорово.

Темный корпус линкора исчез вдалеке.

– А что бывает, если все-таки выйти из корабля? В скафандре, ясное дело?

– Иногда безумцы с тягой к самоубийству выходят. Бывает, что потом возвращаются назад. А бывает, что лебедка втягивает на тросе пустой запечатанный скафандр.

– Жуть какая...

– Нечего шутить с подпространством.

– Долго мы так лететь будем?

– Может, час. Может, десять. Но предположительно – не более четырех.

За бортом пронесся еще один объект, длиной метров семь, и скрылся в тумане.

– Невеселая у «Бисмарка» судьба – даже в подпространстве за ним торпеда гонится, – пробормотал Леонид.

* * *

Звездолет вышел из тоннеля неожиданно. Хлоп! Вокруг горят мириады звезд, а слева по борту заслоняет обзор грязно-коричневый диск планеты.

– Хара-Секундус, – сделал широкий жест Касс, – ключевая точка, в которой пересекаются по меньшей мере четыре торговых маршрута. Тут можно закупиться всем необходимым для дальнего рейса или маленькой войны, а также нанять недостающих членов экипажа, охрану, сбить найденное, украденное и награбленное. Если, конечно, «хвоста» нет. Те, которые тут живут – механики, докеры, предприниматели, – делают очень неплохие деньги, но очень недолго. Повышенная гравитация, повышенное атмосферное давление, воздух, состоящий на девяносто восемь процентов из азота... Зашибаешь бабло и сматываешься, отдыхаешь, тратишь и возвращаешься. Пожадничаешь и захочешь сразу да побольше – играешь в ящик. Долго тут жить могут только балларан – но вся эта разношерстная местная компания их бесит, расистов долбаных. К тому же они считают, что жить и работать на неподходящих мирах – удел низших, потому сами тут не появляются.

– Низшие – это?..

– Все, кроме самих балларанцев.

– А балларан, типа, высшая раса? – с сарказмом спросил Леонид, рассматривая спирали облачного покрова планеты.

– Они искренне верят, что да, – в тон ему ответил Касс.

– На Земле мы это не далее как семьдесят пять лет назад проходили... Галактическое сообщество – народ приличный, но нацисты – все те же...

– Они – культурные нацисты, – кашлянул Касс. – Так, Навигатор, коррекция времени?

– Связь с сервером установлена. Коррекция времени плюс восемь минут.

– Коррекция времени? – приподнял бровь Леонид.

– Да. Мы находились в прыжке три с половиной часа, а в реальном мире прошло на восемь минут больше.

– Почему?

– Потому что там «Бисмарки» летают, – отрезал Касс. – Когда ты уже поймешь, что любое твое «почему» применительно к подпространству останется без ответа? Потому что подпространство.

В этот момент бортовой компьютер сообщил о входящем сигнале.

– Вот и диспетчер. Навигатор, передавай опознавательный сигнал.

– Выполнено, – отрапортовал искин и через несколько секунд сообщил: – Данные приняты, посадка разрешена.

– Быстрый тут паспортный контроль, – хмыкнул Леонид.

– Его здесь нет. Здешняя колония – единственная в секторе спасательная станция. И хотя теоретически это зона ответственности Доминиона Сссла, на практике тут только небольшое спасательное подразделение, станция наблюдения, медпункт, техническая база и склад снабжения. Ну и Страж еще – типа шерифа. От силы двадцать сссла. Все остальные – вольные предприниматели и торговцы различной расовой принадлежности. Общее количество населения – две-три тысячи человек.

– Человек? – оживился Леонид. – Или ты имел в виду – врасу?

– Да в том-то и дело, что «человек» – термин правильный. Видишь ли, слова «человек», «сссла», «балларан» и прочие имеют один и тот же смысл: так высокоразвитый индивид называет себя и себе подобных. Причем тот же балларан будет считать человеком себя, а ты для него будешь «землянин». Потому искин переводит любые аналоги слова «человек» именно как «человек», если только не надо определять расовую принадлежность или разделить врасу по расовому признаку. Например, если речь о пассажирах корабля, то я говорю «на борту находятся пять сссла и десять балларан». А если мы говорим об интернациональном экипаже из пяти сссла и десяти балларан, то есть о единой команде, то фраза будет звучать как «нас было пятнадцать человек». Так и с колонией. Говоря о населении колонии, я скажу «*ффат накса дорсу сссла*», что является дословным эквивалентом. При этом слово «сссла» будет обозначать всех, и сссла, и не-сссла.

– Можно было бы говорить «нас было пятнадцать врасу». Было бы понятнее.

– Не рекомендую так выражаться. Употреблять понятие «врасу» следует только по отношению к большой массе третьих лиц, например, говоря о целой расе, к которой твой собеседник не относится. Называя так своего собеседника, ты подчеркиваешь, что не считаешь его равным. Как результат, тебя сочтут высокомерным, заносчивым расистом, а то и оскорбятся. В местах вроде этой станции подобное чревато. Считай, что ты на Диком Западе. Никакого контроля ни за чем, ввози, продавай и покупай что хочешь. Главное, чтобы судно и капитан не были в розыске, а экипаж себя вел прилично.

Леонид наблюдал, как планета растет, закрывая собой черный космос.

– Дикий Запад, говоришь? Ты бы мне хоть ствол какой дал...

– Тебе вообще с борта сходить незачем. Что ты там забыл? Бара там нет, стрипклуба нет,

казино и борделя – тоже. И симпатичных туземок не встретишь.

– Блин, какой ты непонятливый. Мне же все равно интересно посмотреть на другую планету. Я ведь буду первым землянином, ступившим на ее поверхность. Ну и на инопланетян поглазею. Не стриптиз, конечно, но хотя бы кунсткамера.

– Лады. При погрузке, значит, поможешь. С робопогрузчиками тут напряг. Пошли к шлюзу, автопилот и без нас посадит корабль.

Возле шлюзовой камеры наемник, следуя инструкциям шефа, надел на голову прочный, но очень прозрачный пластиковый мешок с трубкой. Трубку воткнул в прибор размером с термос, а тот нацепил на пояс.

– Кислорода тебе хватит часа на три. Пополнить запас можно прямо на базе, твой искин покажет тебе где. Перчатки надевай – за бортом минус пятнадцать по Цельсию, так что хвататься за все подряд не стоит.

– Просто перчатки? Моя куртка не рассчитана на морозы!

– Это не Земля, – кашлянул Касс, – тут климат другой. Планета безводна, атмосфера сухая, как мартини. Минус пятнадцать тут не холоднее, чем ноль в Питере. Главное, не хвататься за предметы, хорошо проводящие тепло.

– А ствол?

Торговец достал из шкафчика у входа два пояса с закрытыми кобурами, один нацепил на себя, второй отдал Леониду.

– Только учти – доставать на людях крайне не рекомендую. Думаю, тебе не надо объяснять почему.

Наемник тотчас же вынул оружие и осмотрел.

В целом, оружие очертаниями сильно напоминало знаменитый «парабеллум»: скошенная рукоятка, рассчитанная под ладонь с тремя пальцами и одним большим, кнопка вместо спускового крючка, продолговатый корпус и длинный ствол с толстыми стенками и очень маленьким калибром дула, миллиметра полтора. И легкий – граммов четыреста.

– Лазер?

– Игольник. Игломет. Магазин вытащи – там защелка.

В магазине, своей конструкцией поразительно напоминавшем обычный пистолетный магазин, в четыре ряда расположились полтора миллиметровые заостренные серебристые иглы, длиной и толщиной смахивающие на спичку.

– И как оно стреляет? Похоже на обычный пистолет...

– А это и есть обычный пистолет. Главное отличие от того, к чему ты привык, – патроны. В первой части иглы скрывается микрочип и микробатарейка. Задняя часть состоит из маленьких таблеток кристаллической взрывчатки. Когда ты наводишь оружие на цель и стреляешь, игольник с помощью датчика на стволе определяет, на что он наведен, и электрическим импульсом взрывает нужное количество сегментов заряда, начиная с конца. Игла вылетает из дула, поражает цель, а затем взрывает всю неиспользованную взрывчатку. Если цель ничем не защищена и расстояние минимально – меньше заряда расходуется на выстрел и больше – на взрыв самой иглы. Тяжелобронированная цель будет поражаться выстрелом с полным расходом заряда, и урон нанесется только за счет механического пробития. Если, конечно, броню пробить удастся. Вот под рукояткой кнопка ручного выбора силы выстрела на случай, если оружие выбирает режим неправильно.

– А почему, если заряд используется не весь, остальная взрывчатка не детонирует?

– Кристаллическая взрывчатка не горит. Взрыв происходит только от воздействия

электрического импульса определенной силы и частоты. Сколько сегментов активируешь – столько и сработает.

– То есть если батарейка в патроне сдохла – выстрела не будет?

– Запасная в самом игольнике. Если ты зарядишь в магазин разрядившиеся иглы – оружие их само зарядит. А вообще – срок хранения игл двести периодов, по нашим стандартам. На практике – хранятся по четыреста и больше.

– Круто, – одобрил наемник, – только... а бластера, или там лучемета, нету?

Касс скептически хмыкнул:

– То есть игломет – это для тебя круто, но недостаточно?

– Да хотелось бы пострелять из чего-то... пофантастичнее, что ли.

Торговец сверился с прибором на руке и пару раз тыкнул в него пальцем.

– Если ты хотел пострелять из чего-то лучемерно-фантастического – мог бы никуда не лететь. Оно и на Земле есть.

– Вот как? – недоверчиво приподнял бровь Леонид.

– Представь себе. На Земле разработали прототип «Ионно-Лучевого Пистолета». Работает от восьми пальчиковых батареек и наносит урон на расстоянии до семи метров. Я не держал в руках рабочий экземпляр, но документацию достал. В исследовательском центре, на который я работал, определили, что проект полностью рабочий. Оружие очень эффективно против мух, возможно, что и против мышей тоже. А вот против людей – вряд ли.

Наемник насмешливо фыркнул:

– Рассмешил. Луч Смерти, убивающий грызунов... Игрушка, не более. Разве у вас нет чего-то аналогичного? Что насчет высоких технологий?

– Есть. Но эффективность – тоже аналогичная. Понимаешь, ограничения, налагаемые законами физики, одинаковы для всех и обойти их высокие технологии не могут. Причины, помешавшие земным ученым сделать ИЛП настоящим оружием, помешали и нам тоже. И если некоторые чисто технические ограничения вроде отсутствия у вас суперкомпактного источника питания мы решили, то все остальное – нерешаемо. А то лучевое оружие, что все-таки создано и убивает, – нивелируется такой штукой, как персональный щит. Печальная правда – ну или веселая, смотря у кого пистолет и у кого щит, – заключается в том, что сила действия отражается аналогичной силой противодействия. Чтобы защититься от оружия, питающегося от восьми батареек, мне достаточно щита, питающегося от восьми батареек, таковы дела. Я расскажу тебе одну историю. Мой народ до выхода в космос тоже воевал. Все как у вас было – две сверхдержавы, холодная война и мелкие конфликты, своего рода разведка боем. Незадолго до первых экспериментов с тоннельным приводом обе стороны разработали плазменные пушки, основанные на принципе действия рельсотрона.

– Что это?

– Тебе эта штука может быть известна как рельсовая пушка, по-английски название звучит как массдрайвер или «рэйлган».

– Понял. У нас в фантастических книгах такое оружие называют пушками Гаусса.

– Неверно. Это два разных типа оружия. Но вернемся к истории. Обе стороны разработали плазмометы, чрезвычайно эффективные на коротких расстояниях. Вес оружия достигал ста пятидесяти килограммов у нас и чуть меньше – у них, и источник питания еще триста. Чтобы таскать все это, мы разработали специальный сверхтяжелый боевой экзоскелет. На него навесили броню, непробиваемую для личного оружия, оснастили только-только разработанным энергетическим щитом для защиты от плазменного оружия

противника. Суммарный вес этой боевой машины, неуклюжей и медленной, составил две тонны, а тогдашняя его стоимость превысила деньги, которые я уплатил за свой кораблик. Разработка всего этого обошлась в чудовищные средства. И когда мы бросили всю партию – шестьдесят штук – в бой в одном локальном конфликте, то ожидали, что врагу влетит по первое число, и пехоте, и бронемашинам. Но знаешь, что произошло? Противник тоже разработал экзоскелет с силовым щитом. Наша модель оказалась лучше, но они построили чуть большую партию. Перестрелка шла сначала с сорока метров, потом с двадцати, в течение часа, без единой подбитой машины с каждой стороны. Когда стало ясно, что примитивные плазмометы не в состоянии пробить щиты, питающиеся от мощных реакторов, солдаты пошли в рукопашный бой. При том что обе модели не были предназначены ни для нанесения ударов, ни для получения их. За десять минут дорожные экспериментальные шагающие дредноуты превратились в раздолбанный хлам. Бой закончился вничью – без жертв с двух сторон, но с чудовищными убытками. Так вышло, что в результате обе стороны задумались о бессмысленности гонки вооружений, а потом случился успешный вояж к звездам и первый контакт. Под угрозой извне холодная война между нами закончилась. Собственно, у нас теперь есть национальный праздник – «плазменная война». Мы надеваем громоздкие мягкие костюмы, «стреляемся» из фонариков, а потом деремся мягкими перчатками. Это весело, особенно когда я был маленьким.

Леонида, впрочем, забавы сссла интересовали мало:

– И с тех пор плазменное оружие не развивалось?

– Развивалось. Я тебе сейчас объясню, как вообще работает рельсовое оружие. Рельсотрон состоит из двух параллельных электродов, называемых рельсами, подключенных к источнику мощного постоянного тока. Разгоняемая электропроводная масса располагается между рельсами, замыкая электрическую цепь, и приобретает ускорение под действием силы Лоренца, которая возникает при замыкании цепи в возбужденном нарастающим током магнитном поле.

С изготовлением рельсотрона связан ряд серьезных проблем: импульс тока должен быть настолько мощным и резким, чтобы снаряд не успел испариться и разлететься, но возникла бы ускоряющая сила, разгоняющая его вперед. Другой вариант – снаряд испаряется и превращается в плазму, и по этому принципу работают все плазмометы, известные мне. После подачи напряжения на рельсы снаряд разогревается и сгорает, превращаясь в токопроводящую плазму, которая далее также разгоняется. Таким образом, рельсотрон может стрелять плазмой, однако вследствие ее неустойчивости она быстро дезинтегрируется. Как я уже говорил, для защиты от плазмомета достаточно щита, имеющего равную с плазмометом мощность. Но с расстоянием плазма рассеивается, разрушительная способность падает. С расстояния свыше ста метров ты просто можешь снять штаны и показать плазмометчику голый зад – он будет бессилён отплатить за оскорбление.

– Хм. По идее, в космосе все-таки дальность побольше будет, – заметил Леонид.

– Черта с два. Движение плазмы, точнее, движение разряда, под действием силы Лоренца возможно только в воздушной или иной газовой среде не ниже определенного давления, так как в противном случае, например, в вакууме, плазменная перемычка рельсов движется в направлении, обратном силе Лоренца, – так называемое обратное движение дуги. Потому в космосе плазмотрон стрелять не будет вообще или даже самоуничтожится.

– А как насчет рельсотрона, стреляющего не плазмой?

– О, тут все много лучше. Массдрайверы широко применяются в качестве космических и

танковых орудий, существуют даже переносные, из которых стреляют с плеча. Большинство проблем, с которыми столкнулись земные инженеры, нами решено. Фактически массдрайвер на данный момент самое передовое оружие в галактике.

– В принципе звучит не очень сложно, – сказал Леонид, – если вдуматься, то подобное устройство реально изготовить с помощью наших, земных технологий.

Касс хмыкнул:

– Ты отстал от жизни – они уже давно изготавливаются. Первый реально большой рельсотрон изготовили в тысяча девятьсот семидесятом году, а в восьмидесятых в Советском Союзе изготовили прототип рельсотрона, который на данный момент мощнее аналогичных систем всех земных рельсотронов. Скорость снаряда, изготовленного из пластмассы, по размерам сравнимого с бутылочной пробкой, достигала почти десяти километров в секунду и пробивала три слоя дюралюминия толщиной четыре сантиметра.

– Ох ни фиги ж себе! Постой... разве снаряд не должен быть токопроводимым?

– При использовании в рельсотронных пушках непроводящих снарядов болванка помещается между рельсами, сзади снаряда тем или иным способом между рельсами зажигается дуговой разряд, и тело начинает ускоряться вдоль рельсов. Механизм ускорения в этом случае отличается: сила Лоренца прижимает разряд к задней части тела, которая, интенсивно испаряясь, образует реактивную струю, под действием которой и происходит основное ускорение тела.

Одним словом, теоретически рельсотроны способны стрелять на дистанции до четырехсот километров. В космосе дистанции значительно увеличиваются. Во время Большой Войны существовали сверхпушки, стрелявшие болванками размером с двухэтажный автобус и весом порядка сотен тонн.

– Екарный бабай... Это ж какие разрушения она способна причинить?

– Я даже покажу тебе такую пушку, когда полетим наниматься. Как она стреляет – никто не знает, и пускай смилуются над нами боги, Великие Инженеры или кто «там» главный, чтобы никто никогда и не узнал.

– Умереть не встать... Слушай, Касс, а рельсотрончиков поменьше, ну размером с автомат, нету?

– Есть... Мы изготовили партию в две тысячи восемьсот периодов назад – просто чтобы всем доказать, что мы можем изготовить персональный рельсотрон, способный поражать очень хорошо защищенную бронетехнику. Для понтов и авторитета, так сказать. Реально они не применяются – потому как в силу запредельной дороговизны вооружить ими армию невозможно. Сразу сдать и то дешевле будет.

– Вот из чего бы пострелять... – мечтательно протянул Леонид.

– Я стрелял, – неожиданно резко и как-то мрачно отрезал Касс, – ничего особенного.

Резкое ухудшение настроения, господин.

– Я что-то не то сказал? – осторожно поинтересовался наемник.

– Нет, это я не то сказал. Мы на месте.

В этот миг корабль несильно вздрогнул, коснувшись поверхности посадочной площадки.

Хара-Секундус встретила гостей легкой поземкой, переносящей с места на место мелкую пыль. Унылый коричневый пейзаж: грунт цвета грязи, вдалеке – горы цвета грязи, прямо перед посадочной площадкой – полусферические купола, покрытые пылью цвета грязи. Тусклая темно-красная звезда размером с Луну или чуть больше у горизонта, черное,

усыпанное звездами небо над головой, тусклые светильники на столбах вокруг посадочной площадки и между зданиями.

– Не холодно, – заметил Леонид, – хотя при такой маленькой холодной звезде тут похолодней должно было бы быть...

– Цвет планеты видел с орбиты? Она темная, отличное поглощение света. Воды, которая могла бы замерзнуть и стать белым льдом, тут нет. Белого облачного покрова тоже нет. И горячее ядро.

Леонид оглянулся назад, чтобы осмотреть корабль Касса, и обнаружил, что кораблей вокруг колонии добрых два десятка. Каждый стоял на собственной площадке, всего же посадочное поле простиралось влево и вправо на несколько километров. Сами звездолеты выглядели более-менее сходно в общих чертах, но вот мелкие детали, размеры, дизайн различались очень заметно. На ум само пришло сравнение с автомобилями: гоночный болид и карьерный грузовик тоже отчасти похожи, сразу видно, что и то, и то – машины. Но до чего же разные!

Корабль Касса сильнее всего напоминал семидесятипятиметровый двуспальный гроб: длинный, приплюснутый сверху, с чуть разнесенными в стороны маршевыми двигателями и незначительным утолщением сверху и снизу в центральной части. Видимо, центр корабля занимает силовая установка, тоннельный привод или еще что-то. Несколько башен, напоминающих орудийные, но без пушек, выпущенные посадочные опоры, немного скошенный в угоду аэродинамике нос без стекол кабины – одним словом, детище конструктора, не заморачивающегося вопросами эстетики или передового дизайна.

Уже отходя от звездолета, наемник обратил внимание на то, что из всех звездолетов, больших и маленьких, впечатляющих и не очень, явно военных и без признаков вооружения, именно корабль Касса стоит ближе всего к полусферам колонии, аккуратно по центру напротив входа.

– Гравитация тут другая, – сказал наемник, идя по дорожке к куполу. – Словно я немного отяжелел. Но все равно легче, чем на Земле.

– Сто двенадцать процентов от стандартного уровня – для большинства врасу некомфортно и даже вредно. У меня на корабле сто три процента от стандарта – как на моей родной планете. А у Земли гравитация – сто двадцать четыре процента. Так что земляне могут считаться одними из сильнейших врасу. Учитывая твою большую даже по земным меркам силу, тебе смогут противостоять в поднятии штанги разве что криффы. Но у них и вес под четверть тонны.

– Что есть стандарт?

– Среднеарифметический уровень гравитации, комфортный для большинства и создающий минимальный дискомфорт остальным.

– А почему мы сразу оказались у планеты, а не у звезды?

– Навигационная спутниковая система вокруг планеты. Такую же хотели развернуть вокруг Земли – больно выгодное положение Солнечной системы. Но потом передумали. Вы достигли того уровня, на котором, при определенных обстоятельствах, могли бы эту систему засечь.

– Тут вообще жизнь есть хоть какая-то?

– Была. До Войны.

Подойдя к ближайшему зданию, Касс прикоснулся к возникшей прямо перед ним голографической панели, и дверь секунду спустя отошла в сторону. Они оказались в шлюзе.

Не смотрите на лампы, которые сейчас включатся, а лучше закройте глаза, хозяин.

– Не смотри на лампы. Глаза закрой.

Леонид послушно выполнил инструкцию, пока их освещали странным светом.

– Все. Санитарная обработка закончена.

Внутренняя шлюзовая дверь открылась, и наемник шагнул внутрь вслед за шефом.

Строение оказалось чем-то вроде депо: несколько платформ с колесами, пара бесколесных, массивные двухметровые роботы у стены, целая гора ящиков, у которой сидел, уткнувшись в голографическую панель наладонного прибора, затянутый в ярко-желтый комбинезон инопланетянин, поразительно смахивающий на полуметрового хомяка с кроличьими ушами и парой вертикально расположенных крысиных хвостов. На вошедших сссла и землянина двуххвостый не отреагировал.

– Какого фига ты расселся?! – раздалось сбоку. – Где погрузчик? Почему не работает?!

Второй такой же хомякролик появился из боковой двери и принялся ругаться с первым.

– Какой погрузчик, хвосты тебе узлом! – возмутился первый. – Тебя не волнует, что тут не весь груз? Что ты клиенту скажешь? Где еще два ящика?

Леонид вытащил из левого уха наушник-затычку: так и есть, двуххвостые грызуны обменивались щелчками и писками, но в правое ухо по-прежнему лилась русская речь.

У вас есть пожелания касательно перевода, хозяин?

– Нет... замечательный перевод. Еще бы мата немного – подумал бы, что дома.

В языке сафатх отсутствует понятие оскорбительного эпитета, хозяин, они ругаются, желая собеседнику различных мелких неприятностей вроде запутавшихся хвостов. Желаете, чтобы я заменял подобные идиомы привычными вам словами?

– Нет. Все переводы максимально точно.

Ваше желание – закон для меня, господин.

– Не пялься на них, – негромко сказал Касс.

– Ладно. Но им вроде бы по барабану.

– Этим – да. Тут дело не в том, пофиг или нет. Начинай играть роль. Рожа кирпичом и минимум эмоций по любому поводу.

Следующий зал был чуть поменьше, но тут хомякроликов не было. Шесть совершенно одинаковых по всем параметрам гуманоидных фигур, затянутых с ног до головы в массивные скафандры, напоминающие водолазные костюмы девятнадцатого века, стояли кружком у стола, на котором мигали длинные колонки символов, один из чужаков молча тыкал в строчки трехпалой рукой, остальные так же молча покачивались из стороны в сторону. Из обстановки – столы, но без стульев, на всех стенах – панели с бегущими символами, часть выключена. У дальней стены массивный шкафообразный агрегат, который в визоре сразу получил пометку «кислород». И все серое, в точности как внутренняя отделка корабля Касса. Оно и понятно – колонию сссла строили.

Желаете автоматически получать комментарии о любых существах и вещах, на которые смотрите дольше трех секунд, хозяин? Если да, то голосовые или текстовые?

– Голосовые, – сказал Леонид, двигаясь к дальней двери вслед за Кассом.

Слушаю и повинуюсь. Раса кинкаш. Холоднокровные существа, внешне напоминающие ящерицу, но по строению тела и физиологии ближе к насекомым. Точного соответствия земным организмам нет. Схожих видов врасу в галактике нет. Представляют минимальную опасность вследствие очень низкого уровня агрессивности. Уровень интеллекта девяносто семь процентов от стандарта. Уровень соответствия отдельного индивида стандартному

определению «врасу» восемьдесят три процента.

– Что это значит?

Не всякий врасу в буквальном смысле соответствует определению врасу, хозяин. Объясняю по аналогии. Если каждому муравью в муравейнике дать ваш уровень интеллекта и развития, королева и трутни, предположительно, станут врасу, а рабочие муравьи, являющиеся неполноценными, неспособными к размножению самками, разумными в полной мере могут и не стать, их суть будет ближе к понятию биоробота. Проще говоря, господин, чем ближе к ста процентам по шкале соответствия, тем больше врасу отвечает усредненному понятию «человек».

– О как, – мрачно пробормотал наемник, – значит, и тут уже делят всех на людей и унтерменшей...

Если я правильно понял смысл ваших слов, хозяин, то ответ отрицателен. Шкала соответствия не имеет правового веса и носит рекомендательно-информационный характер. Чем сильнее отклонение от ста процентов, тем выше вероятность, что мировоззрение, способ мышления, ценности вашего собеседника окажутся для вас чуждыми и недоступными. Общаясь с кинкаш, вы не сможете достигнуть полного взаимопонимания по очень многим вопросам. Если некое высокоинтеллектуальное существо имеет уровень примерно пятьдесят процентов и ниже – могут возникнуть трудности не только с пониманием собеседника, но даже с донесением до него простейших идей. Это не значит, что оно глупее, – это значит, что оно слишком иное. Фактически же все известные врасу в галактике находятся в пределах от сорока восьми до девяноста девяти процентов. Универсального определения понятия «человек» не существует, хотя каждый врасу считает стопроцентным человеком только себя. Однако два существа с уровнем девяносто девять процентов всегда смогут адекватно понять своего собеседника. При наличии средств коммуникации, разумеется.

– Ну ладно. И каковы мои проценты интеллекта и соответствия?

– Уровень интеллекта усредненного землянина – восемьдесят девять процентов. Уровень соответствия – девяносто восемь процентов.

– Грусть какая. Эти кинкаш умнее меня...

Мне неизвестен именно ваш уровень интеллекта, мой господин. Он может превышать средний уровень вашего вида.

– Кинкаш – телепаты?

Нет, хозяин. Они носят скафандры из-за смертельных условий на большинстве планет и общаются с помощью радиосвязи в своих скафандрах. Их речь состоит из звуков, издаваемых нащечными мешками, и частоты их вибрации.

Дверь открылась перед Кассом сама, он и Леонид оказались в еще одном шлюзе. Шлюз загерметизировался, послышалось шипение газа.

– Можешь снять шлем, – сказал Касс, стаскивая с головы мешок. – Сейчас заходим – там будут такие же, как я, сссла. Делаешь лицо игрока в покер, ни с кем не заговариваешь, если к тебе не обратятся напрямую, не повторяешь ничьих жестов. Просто молчишь.

– Понял.

За дверью их уже ждали. Точнее, ждали Касса. Два десятка сссла выстроились по обе стороны от двери, молча глядя на него, на Леонида никто даже взгляда не бросил. Глаза наемника перебегали с одного сссла на другого, и каждый раз в уголке визора появлялись надписи, свидетельствующие о том, что на Касса смотрят с большим уважением. Один сссла,

меньше и стройнее других, с ушами, торчащими в стороны, а не приросшими к голове, и небольшим кожаными гребешком на темени, привлек внимание Леонида. «Женщина. Благоговение», коротко мигнул текстовым сообщением искин.

– Приветствую вас, – сказал Касс, шагая мимо строя, и те разразились в ответ нестройным хором приветствий.

Торговец словно изменился. Флегматичный и неспешный ранее, теперь он шагал энергично и целе-устремленно прямо к сссла, стоящему в самом конце встречающей делегации, одетому не так, как другие, и Леонид догадался, что это военный, еще до того, как искин сообщил об этом.

Военный молча отдал честь непривычным жестом ладони, держа руку перед собой горизонтально поперек груди, и когда Касс отзеркалил движение, отрапортовал:

– В вашем распоряжении, сэр Касс-р-Кинн!

Предположительно обращение «сэр» вместо привычного вам «товарищ командир» более точно отражает взаимоотношения индивидов, мой господин. Желаете получить справку по происходящему в один наушник, продолжая слушать перевод в другой? Моргните одним глазом, если да.

Леонид моргнул, отметив про себя, что искин оказался умнее, чем казался. Проанализировав, что хозяином было получено указание молчать, он по своей инициативе позволил ему давать указания молча.

– Мне должны были передать груз, лейтенант.

– Так точно, сэр! Груз получен в полной секретности и готов к погрузке.

– Вот и отлично. Ждем, пока докеры уйдут со смены, и начнем погрузку, – сказал Касс, повернулся к остальным и сказал: – Как я рад снова увидеть родные лица...

Добавка «р» в имени сссла дается обладателям звания, в вольном переводе звучащего как «великий герой», хозяин, заслужить которое можно только на поле боя. Добавка в середине первого имени значит, что звание получено при жизни, в конце – посмертно. Делаю вывод, что ваш спутник – ветеран войны и национальный герой сссла, пользующийся огромным почетом и уважением своего народа.

Официальная часть на этом закончилась. Лейтенант провел Касса, Леонида, нескольких сссла, выглядевших крепче других, и хрупкую женщину-сссла, увязавшуюся следом, в удаленное складское помещение. Когда дверь поползла в сторону, наемник почувствовал, как по спине бегут мурашки. Весь склад был забит контейнерами, поразительно напоминавшими гробы.

– Подгоняйте закрытый погрузчик и вырубайте освещение снаружи. Ни к чему, чтобы с кораблей на стоянке видели, что мы грузим.

– Характер груза, сэр?

– Можете кантовать – не взорвется и не разобьется. Сейчас я заберу часть – остальное храните дальше.

Отлично. Наниматель никакой не торговец, а офицер, занимающийся секретными операциями, как, видимо, думают его соотечественники. И только Леонид знает, что Касс на самом деле задумал авантюру. Вопрос только в том, кому известна правда, ему или другим сссла. То ли Касс использует наемника втемную, то ли наоборот, откровенен с ним, но темнит со своими сородичами, дабы не запятнать репутацию мошенничеством. В любом случае надо держать ухо востро. Не то чтобы это могло что-то изменить, у Леонида все равно нет альтернатив, но он привык всегда быть начеку и любую передрыгу встречать в

готовности.

– Открываем грузовой шлюз, – предупредил офицер, и все принялись натягивать на головы воздушные мешки.

Погрузка заняла добрых несколько часов. Погрузчик – платформу, парящую над землей, – гоняли туда-сюда восемь раз, загрузив на борт восемьдесят гробов, и в итоге все основательно умаялись. В дополнение к тому, что сами контейнеры весили сотни полторы кило, женщина все время вертелась рядом. Ее желание как-то помочь Леонид понимал и без подсказок искина, но она была слишком слаба для работы с тяжелыми предметами и только мешала.

Запахнув на место последний ящик, наемник стащил с головы мешок и вытер со лба пот.

– Высокие технологии, говоришь? – сказал он, пользуясь тем, что они с Кассом остались на борту вдвоем. – А грузили гробы ручками.

– Именно из-за высоких технологий и грузили, – тяжело дыша, ответил тот, – роботы запоминают, что и куда грузили, и ведут логи работ...

– Логи?

– Бортжурналы. Нам оно не надо. Ладно, ты уже оставайся тут, а я сметаюсь туда на пару часов. У меня там... еще одно дело.

Леонид ухмыльнулся, взялся за уши руками и оттянул их в стороны, прозрачно намекая на женщину-ссла.

Касс растянул безгубый рот в ответной ухмылке:

– Ты все правильно понял. Заодно притащу тебе со склада балларанскую жратву. Отдыхай пока.

Наемник не стал заставлять себя долго упрашивать и сразу после ухода шефа лег подремать. Все равно на этом бронированном ведре делать особо нечего. Книжки, телик, плеер – все осталось на Земле, хотя, если бы предстоящий контракт не занимал тогда все мысли, стоило бы что-то с собой прихватить. На вопрос о кино искин предложил загрузить с сервера станции фильмы и музыку сссла, но предупредил, что землянину они вряд ли будут интересны, так что Леонид не стал и пытаться. Конечно, руки чесались опробовать игломет, но стрельба среди чужих звездолетов может оказаться не слишком умным поступком, а наяривать пешком несколько километров за пределы посадочного поля не хотелось.

Касс вернулся только через четыре часа, привезя на погрузчике несколько ящиков продовольствия, в которых искин распознал консервированные фрукты, овощи и мясо балларанского производства.

– Вот это тебе особенно понравится, – сказал Касс, пнув ногой небольшой ящик с пластиковыми колбами.

– Что это?

– На вкус как ваше пиво – один из немногих земных и балларанских напитков, которые я могу пить.

– А, ну это уже веселее, – одобрил Леонид, помогая затаскивать ящики.

Торговец дал отмашку офицеру, управлявшему платформой, тот отдал честь и повернул обратно к станции. Касс закрыл внешнюю дверь, взял в руки небольшой ящичек, промаркированный не по-балларански, и двинулся в камбуз.

– Бери свое пиво и пошли, – кивнул он Леониду, – остальное пускай лежит, опосля перетащим. Нынче я уже сыт всем по горло...

В камбузе Касс расположился в отдельном кресле, поставил свой ящик рядом и извлек из него небольшую бутылочку. Отвинтив пробку, он откинулся на спинку и принялся молча вливать в себя содержимое, затем поставил пустую тару на пол и достал следующую.

Леонид взял в руки колбу, поболтал ее, оценивая жидкость на глазок, откупорил и осторожно попробовал.

– На вкус больше на шампанское похоже, – заметил он, садясь напротив Касса.

– Как по мне, так без разницы. И то и то горькое, пьянит, причиняет похмелье. Не понимал никогда, зачем вы и балларан такое пьете. Наша выпивка работает не так.

– Что ты пьешь?

– Метанол, по-твоему. Древесный спирт. Сссла пьют его, а этиловый спирт – как правило, только если нет древесного.

– Ладно, сейчас заценим балларанский харч... А вы, сссла, не закусываете, когда выпиваете?

Касс желчно фыркнул:

– Ага, я себе целый ящик притащил специально, чтобы закусывать, как же.

– Ты собрался основательно надраться? – полюбопытствовал Леонид, отпив еще немного.

– Точно.

– Почему?

– А ты думал, мне очень весело живется?

Леонид сделал глоток, исподволь наблюдая за собеседником:

– Даже не задумывался как-то. Как свиданка прошла? Не рассорились ли, часом?

– Отлично прошла, – сказал Касс, сделав несколько глотков.

– Она кто тебе?

– Я ее встретил первый раз в жизни. В прошлый раз ее тут не было – стажерка школы диспетчеров.

– Ну вот, – захопнул ловушку наемник, – по идее, великий герой и ветеран войны, которому женщины на шею вешаются при первой же встрече, на жизнь жаловаться не должен.

Касс поставил на пол вторую бутылку и полез за новой.

– Дерьмовый из меня герой, – махнул он рукой, выпив половину, – какая была война – такие и герои. Знаешь, что между нами общего? Мы с тобой, выражаясь привычными тебе идиомами, оба бродячие, бездомные псы.

Запрокинув голову, выпил в себя остатки жидкости, небрежно бросил емкость на пол и взялся за четвертую. Его движения немного потеряли в точности, глаза расфокусировались, глядя мимо Леонида, но речь осталась четкой и ясной.

– ...Мы оба с тобой сдохнем вдали от дома... Тебе возвращаться не к кому и незачем. И когда ты умрешь – никто не заплачет. Никто даже не вспомнит. У тебя вообще нет дома, если на то пошло. Завидую тебе.

– Чему завидовать-то? – удивился Леонид.

– Да, завидую. Потому что у меня этот дом есть, и меня там ждут. Везде, будь то Сссла, Ссарса или Каэрвэн – везде мой дом. Везде меня знают и помнят, а когда меня не станет – помянут трауром. Все три планеты. Все сорок миллиардов.

Касс умолк, чтобы проглотить очередную порцию, затем продолжил:

– ...И потому я никогда не вернусь. Чтобы никто никогда не узнал, какой я дерьмовый

герой.

Он достал из кармана маленькую колбочку и вылил ее содержимое в свою бутылку.

– А это что? – осторожно поинтересовался Леонид, распаковывая небольшой тубик, чтобы закусить выпитое.

– Психоделик. Полезнейшая вещь. Делает твои горести не такими печальными. Если передозировать – мать начнет смеяться на похоронах своего ребенка.

– Эх тебя пробило на откровенность от выпивки...

Касс закашлялся своим странным смехом:

– Еще бы... Я шестьдесят периодов молчал. Пятнадцать твоих лет. Сколько еще я бы мог промолчать? А ты... Ты будешь хранить мою тайну. Случись со мной что – ты обратно уже не вернешься. Только я могу провезти тебя на Землю. Как раз потому, что мой корабль не будут обыскивать, ведь патрульные в том секторе – сссла. Им не придет в голову обыскивать корабль героя. Не посмеют, даже что-то заподозрив, – но они и не заподозрят.

Леонид отправил в рот кусок сморщенного желтоватого плода. На вкус как персик. Закуска к шампанскому несколько странная, но лучше, чем ничего.

– А что ты сделал-то?

– Я? Да в том-то и дело, что ничего. Просто остался в живых...

Касс залпом осушил бутылку, уронил ее на пол, уставился в никуда, и затем его прорвало:

– Знаешь, что такое парад героев? Ты не знаешь, конечно же, об этом искин тебе не рассказал. Это торжество, в котором мечтает принять участие каждый мальчишка сссла. Великая честь – быть героем, и я тоже всегда хотел им стать.... Парад героев... парад живых и мертвых. Вначале идут курсанты военных училищ – только достойнейшие – и несут портреты тех, кто не дожил до этого парада. Тех, кто умер вчера, тех, кто скончался от ран сто периодов назад, тех, кто погиб на поле боя в прошлые тысячелетия... А потом шествие мертвых героев заканчивается – идут живые. Миллиарды мечтают идти среди них – выпадает единицам, десяткам. Ныне живут сто тринадцать героев... и только я знаю, что их на самом деле меньше... Что их на самом деле сто двенадцать. А может быть, и того меньше.

Видишь ли, Леонид, война – дерьмо. Как солдат, я знаю это лучше всех. А некоторые войны – особенно дерьмовые. Мы воевали за планетку – сплошная грязь. Сплошное болото. Она нам не нужна была, но мы воевали. Так надо было. Нас было девять человек в отряде – и мы стали друг другу дороже братьев. Война сроднила нас всех, связала узами, которые прочнее уз крови. Ты не поймешь меня – ты ведь не совсем солдат...

Леонид слушал молча, не перебивая, а Касс продолжал, глядя в никуда, и перед его глазами, видимо, проплывали картины прошлого.

– ...И война же отняла их у меня. Враг развернул над планетой спутниковую систему, которая не давала подойти основным силам, и закрыл их маскировочными полями. Нам нужно было дойти до места, установить наземный детектор и подсветить цели для линкоров с поверхности... И мы шли. Девять человек и один переносной детектор посреди болота, раскинувшегося на всю планету. И враги, куда ж без них. Трех мы похоронили в том болоте – остальные погибли, защищая установленный детектор. Вот и все. Герой ли я? Я просто остался в живых. Совершенно случайно остался, это не моя заслуга. Все остальные – они сделали как минимум не меньше ради общего блага, даже больше – они ведь отдали свои жизни, в то время как я – нет.

– Честно говоря, я не понимаю твоих терзаний. Вы сражались, за что считали нужным.

Они погибли. Ты выжил. Я не знаю, как у вас, а у нас пойти в тыл противника ради диверсии – это героизм. Так и вспоминается песня – «...два провода голых, зубами скрипя, зачищаю...»^[1]. В чем проблема-то?

– Понимаешь, – медленно произнес Касс, – у нас немного другое отношение к понятию «герой». А тем более – к великим героям. У вас цепляли на грудь звездочку героя, жали руку, иногда писали в газету... И все. Мы отличаемся от вас тем, что не верим в душу. Материалисты мы. Религия, загробная жизнь... У нас таких понятий нет. Смерть – это конец. Отдавая свою жизнь, ты уже ничего взамен не получишь. Потому отношение к героям вообще у нас особенное. Не такое, как у вас. А к тем, кого провозгласили великим героем, – и подавно. Это огромнейшая честь. Огромнейшие почет, слава, уважение. И не только для самого героя – для его семьи тоже. У нас принято, что первым словесно здоровается тот, чей ранг выше. Ты сам видел – все молчали, пока я не заговорил первым. Мой отец – он работает на заводе, где строят грузовые летательные аппараты. С тех пор как я стал великим героем, отношение к нему изменилось. Теперь, когда он входит с отчетом в зал совещаний руководства, руководители встают и ждут, пока отец с ними поздоровается, словно это он там главный. Он в большом почете – ибо воспитал героя. Дети героев сразу попадают в самые престижные учебные заведения. И так далее.

– Ну это я понял. В чем проблема-то?

– В том, что героем стал только я. Мои товарищи – нет. Я вскоре после войны запил. Мне было стыдно, что они погибли, а героем стал я. Меня знают в лицо сорок миллиардов. Мои родители стали очень уважаемыми членами общества. А семьи моих братьев по оружию получили пенсии за утрату отца и мужа – и все. И пусть сссла заботятся о семьях тех, кто умер ради высшего блага, – мне все равно было стыдно, что я получил все – славу и роскошь, – а их семьи всего лишь пенсию. А планетку ту вскоре продали. Ты не поверишь – тем же самым танду, с которыми мы воевали. За деньги, много меньшие, чем было потрачено на войну, не говоря уже о погибших. Она не нужна нам была никогда – мы воевали не за саму планету, а чтобы все поняли, что у нас, сссла, силой ничего не отнять, связываться – себе дороже выйдет. Так надо было, один раз уступишь – завтра чужие уже в твоих карманах шарить будут. Но меня не покидает мысль, что мы воевали и погибали за грязь, по пояс в которой сражались. И теперь я даже не могу посетить могилы моих друзей – там танду плантаций понастроили. На их костях.

И япил по-черному. Мне уже можно было. Герою не зазорно напиваться, заливая то, через что он прошел. Герои выше условностей, если он пьет – значит, пережил столько, сколько и для героя слишком много. А в перерывах между запоями пытался понять – почему я? Почему не они? Почему не Ксан, накрывший передатчик собой, и не Тасс, уведший погоню по ложному следу? Ведь подобные деяния совершали многие – этого недостаточно, чтобы стать великим героем. Да, именно наш подвиг преломил ход войны: флот разнес подсвеченные спутники в щепки. Мы спасли множество жизней и отстояли планету. Ладно. Это великое деяние. Но все-таки – почему только я?!

И вот однажды, незадолго до парада героев, я понял почему. Нации был нужен символ светлого будущего. Живой герой, выигравший ту войну, а не погибшие мученики. Потому меня провозгласили героем невзирая на то, что мой подвиг не особо выдающийся, а мои друзья были забыты. Вот тогда-то я и сломался.

Понимаешь, я их всех предал. Я молчал. Мне очень хотелось во всеуслышание всем рассказать о моих друзьях и о том, что их подвиг был больше моего. Что они тоже заслужили

звания великого героя – но тогда бы и другие поняли то, что понял я. Что звание героя не всегда можно получить даже за величайшие заслуги и не всегда надо иметь величайшие заслуги, чтобы стать героем. И потому я молчал. Чтобы сохранить институт героинства, в который верят миллиарды и в который верили миллиарды до них. Я знаю, что мои друзья одобрили бы. Они поняли бы, что я поступил правильно. Каждый из них и сам отказался бы от величайшей славы и высочайшего титула ради своего народа. Но мне от этого не легче. Я знаю, что предал их.

Леонид проглотил кусок фрукта и запил псевдошампанским.

– Предал друзей ради своего народа. Я понимаю. Иногда бывают ситуации, из которых нет приемлемого выхода. Налево пойдешь – коня потеряешь, направо – головы лишишься. Но это еще не объясняет, почему ты домой не можешь вернуться.

– Потому что сломался. Сломался и предал еще раз – но теперь уже свой народ ради друзей. Помнишь, мы говорили о персональных массдрайверах? Слишком дорогие в производстве, слишком дорогие в обслуживании, обладающие огромной проникающей способностью, но недостаточно убойные и ненадежные – им не было практического применения. Они были символом нашей технологической продвинутости. И в итоге им нашли символическое применение. Их стали вручать героям как именное оружие. Ну ты понял, лучшим защитникам нации – лучшее оружие. И с ним они идут на параде героев. После смерти владельца винтовка вручается следующему герою. Так вот. Я свою продал. Винтовку, на которой были написаны четыре имени героев, кроме моего. Реликвию. Если это вскрыется... ты понимаешь, я, выражаясь земной идиомой, плюнул в душу всем героям, живым и мертвым. Я плюнул в душу всем тем, кто сам мечтает стать героем. Я унизил и растоптал само звание великого героя. Ради денег продал винтовку – сверхраритет – инопланетному коллекционеру за цену, соизмеримую со стоимостью современного корвета. Я не мог смириться, что владею такой дорогой вещью, в то время как семьи моих братьев остались ни с чем. Мне было стыдно владеть этой винтовкой. Я ее не заслужил. Деньги я раздал, обеспечив детей моих друзей и своих родителей, себе ничего не оставил. И сбежал, потому что первый же парад все раскрыл бы. Вначале работал разведчиком на Земле, потом накопил денег и стал торговцем: жить как-то надо. И теперь, когда на Сссла парад, я далеко. Дома я отказаться бы не смог – никто бы не понял, никто бы не поверил. Это немыслимо. Но я далеко от дома и всегда имею оправдание, что занимаюсь опасным и полезным делом на благо всех, как и положено герою. Ореол секретности заставляет думать всех тех сссла, которых ты видел, что я занимаюсь спецоперациями, я ведь и был спецназовцем. Вот так вот.

И потому я иногда напиваюсь. Особенно после встреч со своими. Я знаю, что уже никогда не вернусь домой. Я знаю, что в строю героев мне нет места. Всегда мечтал принять участие в параде – и вот как все вышло. Теперь я попаду на парад только посмертно. В виде портрета в руках курсанта. Он будет безумно горд нести портрет великого героя, который на самом деле просто двойной предатель. Жертва политики и заложник собственной совести.

А еще я иногда вижу сон, в котором все же участвую в параде... Иногда один, иногда со своими друзьями. Но заканчивается каждый раз одним и тем же... Все смотрят только на меня миллионами глаз. Подходят ближе, обступают со всех сторон... И спрашивают: «Скажи, ветеран, а где твоя винтовка?» И я в ужасе просыпаюсь...

Касс хрипло закашлялся и потянулся к новой бутылке. Леонид встал, подошел и отнял у него сосуд:

– Я так думаю, тебе уже хватит на сегодня.

– Ты прав, должно быть, – равнодушно согласился Касс и поднялся, неожиданно уверенно и плавно: – Я, пожалуй, пойду спать. А завтра отчалим отсюда...

* * *

Прыжок от Хара до ничем не примечательной звезды Таркат занял всего лишь полтора часа.

– Редкая удача, – прокомментировал Касс, поднимаясь с капитанского кресла, – обычно надо часов десять в тоннеле болтаться... Навигатор, корректировка времени?

– Связь со станцией установлена. Корректировка времени минус сорок одна минута. Зафиксирован входящий сигнал с кодировкой Вершителя.

– Принимай.

На экране сбоку появились помехи и послышался голос невидимого Вершителя, не пожелавшего прислать видеопоток:

– Говорит исполняющий обязанности главного Вершителя системы Таркат. Ваши данные распознаны и зафиксированы. Свободный торговец, вы приближаетесь к закрытой зоне. Цель посещения системы?

– Промежуточный прыжок – раз, Вершитель. Туристический визит без вхождения в закрытую зону – два. Вы, видимо, тут недавно, иначе знали бы меня. Куда делся Вершитель Скаб-Бойл?

– У вас к нему какое дело? – Голос в наушниках звучал монотонно, но в уголке визора появилось пре-дупреждение о подозрительности.

– Незавершенная партия в татцу. Не берите в голову, Вершитель, и спокойной вахты.

Леонид дождался, пока сеанс связи закончится.

– Так ты и с Вершителями накоротке?

– Кто, я? Нет. Скаб-Бойл мой соотечественник. От звезды до станции чесать полтора стандартных цикла – дня то бишь. Когда летишь один – скучота. Ну и Вершителю, болтающемуся в одиночной вахте вокруг Реликта, скажем прямо, тоже не так чтоб сильно весело.

– Что еще за Реликт?

– Я вчера обещал тебе показать суперпушку. Реликт – это автоматический титанический корабль размером с... Мадагаскар. Эхо Войны. Он тут висит кто знает сколько тысячелетий, а Вершители за ним присматривают. Ну, чтобы никто не разбудил лихо, пока оно тихо. У них тут целая база в закрытой зоне. А чуть подальше – небольшая станция для туристов. Меня там должен ждать груз – оружие и снаряжение для наших, хе-хе, солдат. Получим – сядем на здешнюю планетку, проверим личный состав. Я тебе все расскажу и покажу. А сейчас пойдем в грузовой отсек – андройды сами, как ты догадываешься, не распакуются.

В отсеке, который теперь больше напоминал перенаселенный мавзолей, Касс достал из кармана маленькую коробочку с проводком. Проводок этот он подсоединил к своему УРР, поманипулировал с появившейся голопанелью и заметил:

– А протоколы интерпретации голосовых команд устарели... Похоже, их всех перепрошивать придется. Ладно, это потом.

Он ткнул пальцем в бок ближайшего гроба, вызвал из него еще одну голопанель и приложил ладонь. Контейнер пикнул, соглашаясь открыться.

В черном гробу под слоем маленьких белых шариков, словно артиллерийский снаряд в наполненном стружками ящике, лежал человек в военной форме, или, по крайней мере, то, что можно было бы принять за спящего человека.

– Ну, как тебе? – Касс излучал настолько интенсивное самодовольство, словно создал этого андроида сам.

Леонид с сомнением окинул его взглядом:

– Выглядит довольно натурально. Как он вклю-чается?

– Вначале ему надо загрузить директивы. В частности – разъяснить, кто его командир. К счастью, это гораздо проще, чем звучит.

Касс отсоединил маленький приборчик от своего УРР, выгреб из ящика белые шарики, чтобы добраться до головы андроида, и воткнул проводок ему в ухо. Приборчик мигнул надписью «выполнено», андроид моргнул и снова закрыл глаза.

– Питание на нуле.

Он отыскал у ног робота сумку, выглядевшую как обычная земная спортивная сумка, и вытряхнул ее содержимое на пол. Леонид присел рядом, осматривая вещи.

– Белье? Носки? Мыло, бритвенные принадлежности, одеколон... На кой ляд все это роботу?!

– Для отвода глаз, ясное дело! Одеколон – на непредвиденные случаи, запах маскировать... Ага, нашел.

– Вау, да это же «уокмэн»! – обрадовался наемник. – Я-то свой плеер дома оставил... Только это, магнитные кассеты по двадцать-тридцать лет запись не хранят, вот засада.

Касс хитро ухмыльнулся, распутал наушники и вставил в уши андроиду, нажал кнопку и пояснил:

– Это зарядное устройство, замаскированное под аудиоплеер. Контакты находятся в ушах, как и разъем для прошивки. Питается как от земной розетки по проводу, так и от стандартной беспроводной. Блока питания андроида хватает на пять-шесть суток максимум, а при активных действиях и того меньше, так что надо подзаряжать. Андройды сами садятся на подзарядку в свободное от несения службы время.

Пока робот заряжался, Леонид получил краткую лекцию по запуску андроидов.

– Вот этот приборчик – ключ, – пояснил Касс, – единственное средство внешней коммуникации – слова и уши. Встроенный радиомодуль заблокирован, интерфейса подключения к компьютерной сети у них вообще нету. Загрузка информации напрямую невозможна – только через органы чувств или ключ. Отсутствие мгновенной связи снижает эффективность боевых роботов, но есть и большой плюс. Взломать андроида в классическом смысле слова, по-хакерски, невозможно.

– А взломать ключ?

– Протокол зашифрован. Теоретически можно было бы взламывать через ключ, если бы не одно «но»: заметив попытку несанкционированного доступа через ключ, андроид окажет сопротивление. Проще говоря, заедет в щиплю любому, кто попытается воткнуть ему что-то в ухо, если этот любой не ты и не я.

Леонид сел на соседний гроб и скрестил руки на груди:

– Звучит довольно солидно. Если так, то я вообще не представляю, как еще можно взломать робота.

– Элементарно. Что есть робот? Это искин, компьютер, который обрабатывает поступающие извне данные по заложенным в него программам. Прямой взлом – это замена

директив хозяина директивами взломщика. Взломанный робот становится собственностью врага. Но если ты не можешь взломать робота и подменить его директивы – ладно. Ты можешь подменить поступающую в него информацию, чтобы искин робота, действуя согласно имеющимся программам и директивам хозяина, предпринял действия, выгодные взломщику.

– Хрен редьки не слаще... А попроще?

Касс сверился с показаниями зарядного устройства и продолжил лекцию:

– Чтобы тебе было совсем просто – рассказываю реальный случай, вошедший в учебники многих рас. Тульвары – существа, отдаленно напоминающие по внешности сссла, а по внутреннему устройству и, что важнее, характеру и натуре – вас, землян, – как-то затеяли войну. Они регулярно воевали из-за религиозных взглядов, к слову, так что я только радуюсь, что подобной болезни у моего народа нет. Не суть важно. В общем, воевали «зеленые» с «черными». Цвета формы у них были такие. И «зеленые» применили против «черных» самых первых своих боевых роботов, хотя для тумбочки на колесиках с ламповым управлением это слишком большой комплимент.

Эти тумбочки были очень примитивными роботами, а точнее – простейшими автоматическими устройствами. Робот распознавал своих и чужих по цвету. Тульвары тогда были на уровне примерно вашего начала двадцатого века, при этом не открыли радиосвязь и многие другие вещи. И боевые автоматы выполняли только очень ограниченный набор действий. Следовали за «зелеными» и стреляли по «черным». В первом же бою «черные» понесли большие потери, так как не могли пробить броню роботов. Они отступили в подземный город – тульвары под землей живут, – а «зеленые» начали штурм.

Важнейший момент «черные» просекли: автоматы стреляют по солдатам в черной одежде. Других способов распознавания своих и чужих у них не то что не было – даже концепции иной не было.

– «Черные» переоделись в «зеленых»? – высказал догадку Леонид.

– Хуже. Когда армия «зеленых» вошла в город, «черные» применили красные прожекторы, отрубив остальное освещение.

– И что?

– Зеленая поверхность плохо отражает свет красного спектра. Красная краска, смешанная с зеленой, становится похожей на черную. Зеленая форма атакующих стала оптически черной, и роботы открыли огонь по своим. «Зеленые» были разбиты собственным оружием.

– Гениально...

– А мораль простая. Если ты не можешь заставить вражеского робота повиноваться себе – обмани его. Манипулируя поступающей к искину информацией, ты можешь манипулировать его выводами и поведением. Классический способ обмана робота – оптический обман. Манипуляции с каналами связи. Манипуляции с голосом. Вот проинструктировал ты робота и отправил на патрулирование. За углом он встречается с голографическим образом, который твоим голосом приказывает ему сделать что-либо – и вой-ла-ла. Робот повинует, полагая, что получает приказ от тебя. Ты отдаешь роботу приказы по радио – еще проще. Подбираем частоту, дешифруем коды – для современных компьютеров это задача несложная – и начинаем приказывать от твоего имени.

Леонид хмыкнул:

– Ну положим, все это мне знакомо. Подслушивать вражеские частоты и при случае

получать от врага доклады – это нормальное явление на Земле. Для того мы придумали запасные частоты, позывные, пароли...

– Вот именно! – воскликнул Касс. – Именно к этому все и сводится, что робота начинают обманывать точно так же, как люди обманывают друг друга! Вот только робота обмануть не в пример проще. Потому что самый совершенный робот все равно бинарный искин – и точка. Обман робота – это своего рода тест Тьюринга наоборот. Предвосхищая твои выпученные глаза и просьбу «а попроще?» – землянин Алан Тьюринг предложил простой тест. Общаясь с компьютером, эксперт должен понять, говорит он с компьютером или с человеком, а компьютер – убедить эксперта, что он человек. До Тьюринга этот тест предлагали десятка два других ученых разных рас... Так вот. Если эксперт точно знает, как подловить машину, – машина тест не пройдет. Мы обогнали вас, землян, очень сильно по части искусственного интеллекта – но тест Тьюринга и для наших искинов непреодолим.

Так вот, закон Тьюринга работает и в обратную сторону. Машину можно обмануть способом, направленным именно против этой машины, на который человек не купится. И хотя защита роботов все время совершенствуется – методы обмана всегда на шаг впереди. Для робота нет своих и чужих, есть критерии, по которым машина определяет, кто ее хозяин и кого она должна слушать. Ты понял эти критерии – все, робот считай что твой.

– Ну ладно. И как же защититься от того, что ты рассказал? За углом робот встречается с голографическим образом, который моим голосом приказывает ему сделать что-либо, – и что делать? Не ходить же с каждым роботом под ручку.

– Вот потому роботы неэффективны сами по себе. Если с каждым роботом идет солдат – тут уже не утонишь. Потому что робот отслеживает «своего» солдата в режиме реального времени и в случае появления дубликата считает дубликат подделкой. Но есть и другие способы. Например, ты отдаешь роботу команды только в штабе. Пока робот не завершит патрулирование и не вернется в штаб – он не воспринимает других команд, даже если это действительно будешь ты. Но, как ты понимаешь, об оперативном контроле можно забыть. Конечно, современные роботы уже распознают голографического двойника по отсутствию тени – значит, голопроектор просто надо разместить в затененном месте. И так далее. На любую защиту есть свой обход. И если человек удивится, мол, какого черта мой командир делает в этом пустом коридоре, он же должен быть в штабе, то робот, как я уже говорил, подозревать не умеет. Он только проверяет соответствие критериев. И хотя эти критерии можно заложить очень даже хитроумно – машина ограничена. Робот может подозревать только то, что запрограммирован подозревать. Прыгнуть выше головы и преодолеть собственные ограничения машина не в состоянии.

И вот тут вступает в действие принцип... назовем его принципом Касс-р-Кинна, тщеславного ублюдка. Пока противник не знает, что имеет дело с роботом, он не будет пытаться найти способ его обмануть. Если и будет – то как человека. Но к любым трюкам, на которые клюют люди, основанным на халатности, лени, глупости, страхе перед вышестоящими, у машины иммунитет. Робот всегда внимателен, исполнитель и действует четко по инструкции, трести у него перед носом кулаком или погонами бесполезно. Еще каких-нибудь несколько тысяч периодов назад курьезы, когда робот отказывался пропустить в штаб своего прямого командира, забывшего пароль, случались тут и там, да и сейчас периодически происходят у менее развитых рас.

Что же мы имеем? Солдат, превосходящих живых бойцов физически, всегда работающих не на страх, а на совесть, лояльных и неподкупных. Элитные войска. И наша задача – не дать

пронюхать об их единственной слабости.

В этот момент андроид открыл глаза и сел.

– Подзарядился, – обрадовался Касс, – ну-ка, боец, смирно!

Робот проворно выбрался из ящика, прицепил «плеер» к поясу и вытянулся по стойке «смирно».

– Как тебе? – спросил торговец у Леонида. – Ведет себя как человек, понимает голосовые команды и способен поддерживать короткие диалоги с посторонними... Идеальная маскировка.

– На Земле эта лажа бы точно не прокатила, – хмыкнул наемник, – стоять перед командиром по стойке «смирно» с наушниками – чушь полная.

– Накладочка, – согласился Касс, – но это мы поправим. Боец! Стоять перед командиром в наушниках запрещено!

Андроид быстро убрал провода в карман и доложил:

– Уровень зарядки два процента. Оперативное время – ориентировочно два часа.

– Нельзя такое говорить, – сказал Леонид Кассу, – пусть говорит что-то про сонливость, например.

– Ну вот и научи его. Начинай работать с персоналом.

– Как?!

– Да вот так же, как я только что. Он будет выполнять все инструкции, которые ты ему дашь. Как человек – но точнее.

– Ну ладно... Боец! Вместо уровня зарядки говори «я подустал», «я устал», «спать охота», «глаза слипаются» и все в таком духе. А если совсем батарея на исходе – «ща упаду».

– Вас понял. Глаза слипаются, ща упаду. Разрешите послушать музыку?

Касс буквально расцвел:

– Вот! А я что тебе говорил? Ты имеешь дело с искином, не намного уступающим тому, что у тебя в УРР.

– Да уж, он умнее, чем я думал. Слушай, боец, свою музыку... Это, Касс, он мне напоминает кого-то. Актера одного. Пол Ньюмен, кажется...

– Лица делались по фотографиям из земных газет и журналов – не исключено, что среди лиц будут и знакомые тебе. Давай еще одного вытащим.

– Касс, а их придется каждого вот так учить, что говорить и как себя вести?

– Нет. Второго учить вообще не надо. Ты начинай их распаковывать вместе с первым, а я доделаю кое-какие мелочи с интерпретатором, а заодно и инструкции. Роботы не могут напрямую обмениваться информацией через цифровые интерфейсы, у них вся связь полностью заблокирована, чтобы они не выдали себя радиосигналом. Переписывать информацию можно с помощью ключа – я потом научу тебя им пользоваться. Одного словами научил, как надо и как не надо, вставил в ухо ключ и скопировал. Затем загружаешь другому – и опа, другой уже знает все то же, что и первый.

Пока Касс занимался с ключом, обложившись несколькими дополнительными приборами, Леонид распаковал и подзарядил второго андроида, после чего пристроил обоих заниматься дальнейшей распаковкой, а сам уселся сбоку. Не мальчик на побегушках, в конце концов, и не грузчик. Пускай роботы вкальвают: если по уму, то в этом и заключается их предназначение.

Наемник вошел в рубку управления с бутылкой «пива» в руке и сел на свободное кресло.

– Что там? – спросил, не отрываясь от экрана, Касс.

– Распаковали двадцать шпук, среди них Бельмондо и Брюс Уиллис в молодости и еще пару звезд поменьше. Должен тебе сказать, вы правильно сделали, что прикрыли проект: на Земле такая орава знаменитостей провалила бы любую маскировку. Слушай, а какова вообще легенда?

– Тут все просто. На Земле сильны военные традиции, передача военной профессии от отца к сыну – довольно распространенное явление. Нет ничего удивительного, что наемничество как вид деятельности у вас процветает. Но поскольку в последние годы наметилась тенденция к сокращению как войн, так и количества участников, то и работы для наемника все меньше. Чем воспользовался я, на вербовав небольшое подразделение лучших профессионалов во главе с очень опытным командиром. Твой стаж, Леонид, – огромный козырь. Тридцать пять лет непрерывных войн – это даже по земным меркам «год за три» выходит четырехста с гаком периодов. По нашим меркам – выслуга практически нереальная.

– Ну положим, лет шесть я служил в разных местах, где вообще войны не было.

– Двадцать девять на три плюс шесть – девяносто три года выслуги. Примерно триста восемьдесят периодов. Все равно много. Ты воевал почти по всему шару, без тебя ни один конфликт не обошелся. Восемь ран... это много по меркам цивилизованных народов. Обычно, пока солдат поправляется от серьезной раны, война заканчивается. У нас нет затяжных войн, как правило. И подавляющее большинство рас не посылает раненого воевать повторно – он как бы свой долг родине отдал, горя хлебнул порцию – хватит с него. Разумно и гуманно беды разделять на всех понемногу. Хотя тебе это понять трудно будет.

Леонид отхлебнул из бутылки.

– Да нет, я понимаю. У нас американцы так делали на втором фронте – порой до смешного доходило. Пилоты истребителей возвращались домой героями после двухсот часов боевых вылетов. Некоторые при этом противника в глаза не видели – война ведь к концу шла.

– Ну тем более. Словом, ты догадываешься, что восемь ран – это из разряда сказок в наших реалиях. Выслуга в почти четырехста периодов – такая вряд ли у кого найдется, даже у профессионалов. Я уже как бы слухи пустил о подразделении профессиональных наемников с определенными традициями – от тебя потребуется их не дискредитировать и вести себя, как и положено настоящему профессиональному воину в третьем поколении... или в четвертом? Я просто о твоих дедах знаю, а о прадедах – нет.

– Не приплетай сюда моих предков. Они с тобой контракта не заключали.

– Тоже верно. Ну, в общем, на всякий случай у твоего искина есть режим подсказок. Если что тебя будет в тупик ставить – он выкрутится, главное, говори то, что он тебе будет в визор писать.

– Ладно. Слушай, Касс. Ты вчера, напившись, рассказывал мне, какое дерьмо война. Отчего тебя на наемнический бизнес потянуло?

Тот оторвался от пульта и откинулся на спинку кресла.

– Не очень хорошо помню детали – но да, про то, как я горя на войне нахлебался, я не мог не рассказать. Из-за денег, конечно. Повоевав, я понял одну вещь. Что такие, как ты, всегда будут востребованы. Вам всегда будут хорошо платить. Просто для того, чтобы самим

не хлебать это дерьмо. Ты знаешь, если бы я мог предвидеть будущее, мне уготованное, – продал бы все, что имел, и нанял бы кого-то, кто пошел бы воевать вместо меня, пускай бы он героем становился. Не пойми меня превратно; я, как это у вас называется, патриот, хотя сей термин подходит лишь условно. Я был готов умереть ради блага своего народа и сейчас готов. Но то, что мне выпало, – это уже слишком, и если бы я мог от этого отказаться... Да, я не стал бы великим героем – и в бездну. Я потерял лучших друзей – оно того стоило?! Война дала мне их – война же и отняла, вроде бы баш на баш, но боль потери останется со мной навсегда. Да, меня бы считали трусом, ну и что? Я бы жил как все, имел бы уважаемую профессию, ведь я прирожденный торговец, семью – жену или даже две, детей... А сейчас я живу, как бездомная собака. Вот чем закончилась для меня война – я жалею, что не погиб. И вот потому всегда найдутся те, которые предпочтут откупиться. Заплатить таким, как ты, чтобы ты воевал вместо них. Для тебя война – это не бедствие. И я думаю, что даже не работа. Это твоя жизнь. Война у тебя в крови. Ты не солдат, воюющий по необходимости, – наемники идут на нее сами. Ты ведь иначе не можешь.

– Ты прав, – согласился Леонид, плотнув из бутылки, – для нас в английском языке даже особенный эвфемизм есть. «...На всю страну монаршим криком грянет «Пощады нет!», спуская псов войны».

– Шекспир, «Юлий Цезарь», – кивнул Касс.

– Ты читал?! – удивился Леонид.

– Был в театре. Знаешь, хорошее название для подразделения. «Псы войны» – это звучит жестко. Признаться, первые лет шесть на Земле я прорабатывал вариант с реальными наемниками.

Леонид, внимательно слушая, распечатал пачку с чем-то, напоминающим прогорклые чипсы, и принялся хрустеть. Касс, заметив это, сказал:

– Вижу, проблема питания остро уже не стоит?

– Да как сказать. Вкус явно не королевский, но, признаться, когда желудок не болит, даже горькие чипсы идут за милую душу. Так что ты про вербовку говорил?

– Дохлая идея была. Масса нерешаемых проблем, в том числе и женский вопрос. Где бы я набрал нужное число наемниц-женщин? А вариант только с мужчинами заведомо шит белыми нитками. Мне бы никто не поверил, что сотня молодых здоровых мужчин добровольно согласилась покинуть родную планету, обрекая себя на одиночество до смерти и невозможность продолжить род. Так что тут над легендой еще поработать надо. Как вариант – наши бойцы собираются в будущем вывезти с Земли и свои семьи...

– Кстати! Что насчет Thema nummer eins^[2] в отношении меня?! Я, может, и не молодой и не очень здоровый – но в плане «вопроса номер один» меня рановато списывать со счетов!

– Мы решим и эту проблемку. Возить тебя на побывку будет попроще, чем все подразделение. Кстати. У меня тоже поднакопились к тебе вопросы, ответов на которые я, прорабатывая твою кандидатуру, не нашел.

– Ну спрашивай. Скрывать мне нечего. Ну почти.

– Ты учти, что меня обмануть сможешь – а вот нанимателя вряд ли. Детектор лжи, помнишь? Считай, что отвечаешь нанимателю. Не факт, что тебя вообще о чем-то спросят, но надо быть готовыми к осложнениям. Итак, вопрос первый. Тебе приходилось убивать детей?

Леонид ухмыльнулся:

– Ответ зависит от того, что мы будем подразумевать под ребенком.

– Вообще говоря, ребенок – врасу любого вида в период от рождения до окончания

полового созревания. В твоём случае стоит руководствоваться нормами твоей расы.

– В моём случае я лично руководствуюсь нормами моей расы с профессиональной поправкой «...не имеющий оружия», – отрезал наемник, – и потому – нет, не приходилось.

Касс потер пальцем щеку:

– Значит, все же приходилось. Могу я узнать детали?

– Если бы ты изучал Землю не только в театре или воруя секретные чертежи, то знал бы, что в Африке и по сей день в войнах используют детей в возрасте от десяти лет. Я так считаю, когда человек берет в руки оружие – детство заканчивается. Все, взрослый. Потому что когда в тебя стреляют – ты не станешь делать скидку на возраст врага.

– Понятно. Тебе приходилось воевать против своих бывших нанимателей?

– Нет. А вот работать на бывших врагов – да. В Ираке я работал на американцев, которых перед тем отстреливал в Боснии. Не то чтоб я против них воевал – просто америкосов при случае отстреливали все, и хорваты, и сербы, и боснийцы.

– Почему?

– Потому что их туда никто не звал. И хорваты, и их враги – они хотя бы в той или иной степени на своей земле воевали. Кто там был прав, кто виноват – одному богу ведомо. А вот американцы с любой точки зрения агрессоры.

– Ясно. Расстреливать пленных?

Леонид ухмыльнулся:

– Расстреливать – нет. А вот забивать до смерти – да. Все в той же Боснии – забили всемером сбитого американского пилота.

– Вот это не всем может понравиться, – осторожно заметил Касс.

«Легкое осуждение», – подсказал искин.

– Серьезно? – прищурился наемник. – А когда пилоты бомбят мирное население – это кому-то нравится? Конкретно тот пилот отбомбился по долине с беженцами. Печку-буржуйку за зенитный комплекс принял. Америкосы скорее сбросят бомбы на мирных жителей, чем рискнут своей шелудивой шкурой для проверки с малой высоты. Так что, если только рядом не было высокопоставленных офицеров, сбитых американцев обычно убивали. Чем значительно улучшали генофонд человечества, хе-хе.

– Это такая шутка? Я не понял про генофонд.

Наемник почесал затылок:

– Как тебе объяснить... Если пилот катапультировался над местом, которое только что бомбил, – то он умственно неполноценный. Американцы сами же пишут в памятках для пилотов – ни в коем случае нельзя катапультироваться над местом, по которому ты отбомбился! И если пилот не только туп, но еще и не дисциплинирован – к черту. Его смерть приводит к изъятию ущербных генов из генофонда.

– Если самолет падает – что делать, кроме как катапультироваться?

– Не катапультироваться вообще. Если бы тот пилот остался в самолете – умер бы мгновенно, а не в муках. Смерть солдата на боевом посту в своей машине и смерть собаки, забитой сапогами. Прочувствуй разницу.

– Понимаю. Это единственный случай в твоей карьере?

– Да, – беззаботно кивнул Леонид.

– Ты что-то недоговариваешь.

– Искин подсказал? Скажем так, мы пленных обычно не брали, за исключением случаев, когда я нанимался как военнослужащий на регулярной основе. Наемники не пользуются

правами военнопленных, нас в плен, как правило, не берут. И мы тоже не берем.

Касс вздохнул:

– В общем, дело такое. Тебе придется подучить правовые аспекты цивилизованной войны. У нас очень многое не так, как на Земле. В частности, понятие «наемник» отличается от земного – оно вообще не имеет юридического значения. Под наемником обычно понимают солдата, воюющего не за свою расу, или солдата, служащего частному лицу либо компании. Воюя за сссла против криффов, на тебя будут распространяться все общие соглашения, а также индивидуальные между сссла и криффами. Наемник приравнивается к обычному солдату. А точнее – многие врасу вообще не видят разницы. И что тебе покажется странным – тут не существует запрета на выполнение «преступного приказа». Ты можешь пойти на любое преступление, если получил такой приказ, отвечает за наемника всегда его прямой наниматель. Разумеется, можешь и отказаться.

– То есть что бы я ни сделал, ты будешь в ответе?

– При условии, что я приказал сделать это.

– Если я буду сомневаться – потребую приказ в письменной форме.

– Это ни к чему. Благодаря детектору лжи достаточно устного правдивого свидетельства.

– О как... ну это уже лучше, – сказал Леонид, отхлебнул из бутылки и закусил инопланетным чипсом.

– Есть и обратная сторона. Ты сам должен придерживаться этих правил.

– Разумеется. А конкретно?

– Например, воюющие стороны обязаны брать в плен сдающегося противника. Порой доходит до абсурда. Лет триста назад танду отобрали у криффов небольшую необжитую планетку, построили там подземную базу и очень хорошо укрепили. Криффы перебросили туда примерно сто тысяч десантников, которые сразу же по факту десантирования сдались. Весит крифф много и жрет много – в итоге танду оказались не в состоянии прокормить такую массу военнопленных из своих запасов, рассчитанных только на гарнизон, и им пришлось убраться восвояси, оставив базу в руках пленников. Криффы заполучили планету обратно – вместе с обустроенной базой.

– Танду не могли не принять капитуляцию? И отказаться кормить тоже не могли?

– Вот именно.

– Почему они не заставили самих криффов кормить пленников?

– Воюющие стороны не обязаны вступать в переговоры. Когда ты захватываешь пленных – ты за них отвечаешь. Их жизнь в приемлемых для них условиях – твоя забота. Конечно, существуют правила и механизмы компенсаций, репараций и прочего, с жесткими временными рамками. Стороны обязаны возместить противнику издержки на содержание их пленных и уплатить выкуп либо после окончания боевых действий, либо в течение одного периода по требованию пленителя. План криффов строился на том, что такое количество пленных сожрет запасы гарнизона в считанные дни. Криффы гибнут от голода в течение пяти-шести стандартных циклов – то есть в течение земной недели максимум. Если бы план провалился и танду сумели бы наладить снабжение – Конфедерация Крифф влетела бы в адскую копеечку на компенсации и выкупы. Но танду оказались не в состоянии перебросить на блокадную планету такое количество жратвы в такие сроки, им не осталось ничего другого, как сдать планету обратно, после чего освободить пленных прямо на месте, а самим убраться восвояси.

– Оригинально... Послушай, а что было бы, если бы танду перебили пленных или

уморили голодом? Санкции Вершителей?

Касс вздохнул:

– Тебе с твоей ступеньки развития сложно будет понять тех, кто стоит много выше. Тут дело даже не в Вершителях. Правила придуманы не просто так, и высокоразвитые существа понимают, для чего эти правила нужны и что будет, если начать их нарушать. Я не говорю, что правила совсем никогда не нарушаются, но давай предположим, что ты взял в плен врага и убил его. Если это станет известно – все твои соотечественники в плену у врага будут немедленно истреблены, а на твоей расе повиснет клеймо кровожадных варваров. Пленение врага есть способ взаимно уменьшить причиняемые войной потери: война закончилась, люди возвращаются по домам, а не остаются лежать в земле и болотах. Так воюют высокоразвитые цивилизации: если войны избежать нельзя, ущерб должен быть сведен к минимуму. Да, иногда эти правила сильно мешают – но с другой стороны, когда завтра будет сдаваться твой брат или ты сам – те же правила спасут его и тебя. Сегодня правило, запрещающее истреблять захваченное население и бомбить родные планеты, не позволит тебе раз и навсегда расправиться с твоими врагами. Но завтра оно же спасет твой вид от тотального истребления кем-то еще более сильным. Если нарушать правила – воцарится хаос кромешный. Выпустив из бутылки джинна, обратно его не загонишь. Такое уже было – ту Войну пережили немногие. И теперь оставшиеся не желают второго дубля.

– Понял. А кто вообще устанавливает правила? Совет?

– Да.

– В котором заседают и сссла? Дай-ка угадаю. Ведь совет не станет придумывать правила, себе невыгодные?

– А ты не простака, – растянул рот в ухмылке Касс.

– Был бы простаком – выслугу в четыреста периодов не сдюжил бы.

– Ты прав. Правила действительно выгодны совету, поскольку направлены на сохранение стабильности и, как результат, на продолжение доминирования «большой одиннадцатки». Всем остальным, кого устраивают текущее положение дел и текущие тенденции, правила тоже по нраву. А вот желающим устроить переделы, перераспределения и прочее «Кодекс предотвращения» как кость в горле. Ибо единственный способ устроить быстрый передел чего-либо – это война, и тут кодекс – прямо воплощение палки в колесе.

– ...И в итоге правила служат интересам сильнейших. Нет чтобы сразу так сказать и голову не морочить.

– Точнее – интересам подавляющего большинства. «Большая одиннадцатка» не смогла бы навязать свою волю, если бы все остальные были против.

– Ладно. Что еще я должен знать?

– Пусть твой искин скачает данные с бортового компьютера. А пока что-то меня зависть замучила... Надо промочить горло.

Касс включил внутреннюю громкую связь и сказал:

– Ну-ка, кто-нибудь, принесите мне с камбуза выпивку и закусить!

Менее чем через минуту появился «Уиллис».

– Видал? – обрадовался торговец, принимая из рук андроида заказанное. – Искины что надо.

– Угу, – кивнул Леонид, – но вот их резиновые рожи на меня тоску навевают. Пойду вздремну. Главное, не забудь разбудить, когда будем пролетать мимо твоей хваленой суперпушки.

Целые сутки Леонид откровенно скучал. Звездолет, чудесная вещь, когда о нем пишут в книгах, на деле оказался скучным и пыльным. В рубке управления с включенными обзорными экранами сидеть – уже интересней, но если в подпространстве можно было увидеть забавную диковинку вроде «Бисмарка» или еще какую галлюцинацию, то в обычном космосе – статичные звездные обои на воображаемом небесном потолке. Красиво, нет спору, но однообразно. Под созерцательное настроение с пивом годится, а так чтобы постоянно на звездную россыпь пялиться – не очень.

Наблюдать, как Касс управляет своим кораблем, тоже оказалось не слишком познавательно.

– Ну прямо один в один, когда я на вертолете летал, – заметил как-то наемник.

– Сравнил вертолет со звездолетом, – фыркнул Касс.

– Говорю же, один в один. Что там я смотрел пилоту под руку и ни уха ни рыла не понимал, что тут.

Желаете получить наставления по управлению звездолетом, господин, или...

– Изыди, зануда! Это я искину...

Приказ невыполним, хозяин. Возможно, вы имели в виду приказ замолчать?

– Да. Черт бы тебя взял. Это я опять искину.

Потому большую часть времени Леонид провел в своей каюте, слушая бормотание искина или просто глядя сны. Он все же заставил зануду скачать с бортового компьютера какую-то комедию на историческую тему и просмотрел ее с помощью УРР – бред, да и только. Своим недоумением Леонид поделился с Кассом:

– Вот скажи мне, где смеяться-то? Я посмотрел вроде бы комедию, в которой целая куча сссла вначале ведет пространный монолог, а потом совершает самоубийство. В голову себе стреляют или ложатся под танк целым взводом, предварительно высказавшись про то, что они совершенно безнадежные стрелки, не способные попасть из противотанкового ружья в тот самый танк. В чем смысл, с позволения сказать, «комедии»??

Тот только пожал плечами:

– Тебе – ни в чем. Там же был такой сссла в черном костюме с нагрудным значком?

– Да... каждый раз, когда он куда-то приходил, начинались самоубийства.

– Вот в нем. Фильм – весьма злобная пародия на агитфильмы времен нашей холодной войны, примерно полторы тысячи периодов назад. Тогда у нас была крайне строгая цензура, запрещавшая критиковать власть и их решения. С одной стороны, это правильно, народ не должен сомневаться в своей власти. С другой – иногда бывали и проколы. Тот сссла со значком – пародия на одну бездарную личность, однажды случайно оказавшуюся на ответственном посту и совершившую массу глупостей. Тогда нашелся острослов, который высмеял и дурака, и систему, позволившую дураку попасть на руководящую должность, и цензуру, обойдя ее. Герои фильма, получая от главного действующего лица глупые приказы, высмеивают сами себя за свою неспособность правильно их выполнять и сами себя же убивают. Это аллюзии на реальные события, когда из-за глупых приказов гибли люди. При этом представитель власти, виновный в гибели людей и многих других ошибках, не высмеивается напрямую – что есть высмеивание цензуры. Юмор в переносе критики с виновника на пострадавших. И с тех пор в таком ключе частенько снимают комедии. Но

постояй. Разве искин не сказал тебе, что наши фильмы тебе будут неинтересны и непонятны?

– Сказал, – ухмыльнулся Леонид, – и я жалею, что не послушал. То ли мы слишком от вас отстали, то ли вы чересчур обогнали. Будем считать, что приобщился к высочайшей культуре сссла.

– Сарказм тут не к месту, – ухмыльнулся в ответ Касс.

Еще через несколько часов корабль наконец-то приблизился к главной достопримечательности системы.

– Вон, гляди, – указал Касс на один из экранов.

На красноватом фоне планеты, занимающей четверть «окна», выделялась массивная черная конструкция, размерами и очертаниями действительно напоминавшая крупный остров.

– Отсюда толком не видать.

– Ну еще бы, до него двенадцать тысяч километров или около того, – сказал торговец и потыкал пальцем в приборную консоль.

Изображение начало увеличиваться. Черное пятно заполнило собой сначала половину экрана, затем весь, а затем перестало влезать в него, и только тогда стали визуально заметны башенки с орудиями, длинные шпили непонятого назначения, растущие из корпуса гигантского корабля, углубления, похожие на маневровые двигатели, пирамидальные возвышения, зияющие чернотой проемы.

– Вот эти пушки в поворотных башнях, – указал Касс, – имеют толщину стенки ствола шесть метров, длина их – восемьдесят метров, калибр – около двадцати сантиметров всего лишь. Чем они стреляют – неизвестно. По всему кораблю таких несколько тысяч.

– А где суперпушка?

– Внутри корпуса. Отсюда не видно, так как мы сбоку находимся. Канал ствола этого рельсотрона имеет в длину двенадцать километров, дуло овальное – сто пять метров по длинному диаметру и шестьдесят по короткому.

– Сколько-сколько?! – Глаза Леонида непроизвольно полезли на лоб.

– Да-да. Рельсы – по двадцать пять метров в диаметре каждая. На самом дне ствола между ними висит, удерживаемая магнитным полем или каким-то другим, болванка размерами с британский «даблдэкер» – автобус двухэтажный. Но калибр ствола позволяет стрелять снарядами диаметром в пятьдесят метров, так что, возможно, в запасе у Реликта есть еще большие боеприпасы, нежели автобус. Скорость выстрела неизвестна – но такое оружие, видимо, предназначено для уничтожения планет. Бабах – и Земля на куски. Бабах – Сссла со сквозной дырой. Бабах – Балларан, Тандузо, Криффанда, Кинкога превращаются в астероидные пояса. Теперь ты понимаешь, почему все так боятся большой Войны.

На фоне Реликта появился какой-то небольшой корабль.

– Что это?

– Боевой спутник. Таких вокруг Реликта полно висит.

– Господи... неужели такую громадину можно пронять со спутников?!

– Пффф, нет, конечно. Спутники предназначены для стрельбы по приближающимся кораблям, а не по Реликту. Реликт давно висит возле единственной планеты в системе Таркат – но защищать ее уже, видимо, перестал. По крайней мере, садиться на нее не мешает никому.

– А откуда известно, что он ее защищает?

– Все остальные планеты – а их было еще три – превратились в обломки. Таркат-1

подобной участи избежал, но его обитателей заступничество Реликта все равно не спасло. Планета мертвее мертвого – все живое на ней погибло, не считая анаэробных микроорганизмов-экстремофилов. Что особенно интересно – невозможно установить причины гибели. Кислорода в атмосфере ноль, сама атмосфера основательно разрежена – причины, опять же, неизвестны, как и способ реализации. Сплошные догадки на этот счет.

Камера выхватила огромный пролом в корпусе: оплавленные, во все стороны торчащие края, расходящиеся по борту трещины. Леонид только присвистнул: вот уж долбанули так долбанули.

– Предположительно – результат попадания высокоэнергетического сгустка плазмы высокой плотности, – прокомментировал Касс.

– Ты говорил – плазмомет в космосе не работает?

– Наши – не работают. Но технологии, существовавшие до Войны, даже для нас сравнимы со сказочными. Я ведь и не говорил, что та плазма была запущена из рельсового плазмомета. Реликт держал тут бой против таких же, как сам, кораблей – и, как видишь, выстоял. Другой вопрос, что судьба экипажа, если он на нем вообще был, неизвестна.

– А Реликт точно все еще работает?

– Да. Ремонтные дроиды периодически совершают облеты, иногда заметна другая активность. Плюс пушки время от времени поворачиваются.

– А не может ли экипаж, положим, в анабиозных капсулах лежать?

Касс задумчиво поскреб щеку:

– Теоретически может быть. Но проверить – никак. Высадиться на борт вряд ли возможно, мы даже не знаем, кем был корабль построен, и понятия не имеем, как он отреагирует на попытку высадки. К тому же вблизи от него вся электроника работать перестает – противоторпедная защита, видимо. И самое главное... даже если там действительно есть экипаж – а нам точно надо доставать их из капсул? Мы не знаем, кто они, какие они, как начнут действовать... да нам одни только их знания боком могут вылезти. Нет уж, если там остался экипаж – пускай и будет себе до лучших времен. Мы пока недостаточно мудры и сильны, чтобы решать такие проблемы. Данный Реликт – крупнейший из известных и единственный неагрессивный. Пускай и остается все как сейчас.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

В.С. Высоцкий «Черные бушлаты».

«Тема номер один» (*нем.*) – эвфемизм, под которым немцы понимают секс (*прим. авт.*).